

Мирко Благович

«Белила»...

*Книга третья:
Futurum continutivae,
или Сокрушающие грядущее*

Донецк

*Издательство
ЛАНДОН-XXI*

2014

УДК 82-821
ББК 83
М 63

Мирко Благович

М 63 «Белила»: Книга третья: *futurum comminutivae*, или
сокрушающие грядущее/ Мирко Благович. – Донецк:
ЛАНДОН-XXI, 2014. – 237 с.

ISBN 978-617-7049-93-1

В третьей книге Мирко Благовича главные герои продолжают сражение против Системы. На пути Николаича, Олюшки и Славуня встаёт чиновничья коррупционная махина, управляемая продажными и беспринципными людьми. Но ребята не отчаиваются, ведь они совсем уже не те слабачки-предприниматели, коими были десять лет назад. Дружная команда добивается успехов, приобретает нужные связи, зарабатывает свой первый капитал и... теряет близких. Преодолевая Систему, они даже и не подозревают, что главная битва против ненавистной Матрицы – испытание богатством и славой, не за горами. И смогут ли они пройти его достойно, покажет время.

УДК 82-821
ББК 83

ISBN 978-617-7049-93-1

© Мирко Благович, 2014

От автора

...Мы, человечество, отвернулись от Отца, подвели и очередной раз предали Его. Отдаваясь от Создателя, день за днём мы бездумно следуем за чьими-то лживыми истинами. Куда они направляют нас? В никуда! В железные больничные койки, в кромешную тьму духовного невежества, в объятия эгоизма и корысти. День за днём мы шагаем в это «никуда», не понимая порочности и бессмысленности своего движения.

Ведомая квазиправдами технократических псевдопророков, цивилизация вступила в уникальную фазу своего развития – стадию лабильного существования. Равновесие зыбко и нестабильно. Проснёмся, опомнимся, стиснем зубы, постараемся – и человечество пойдёт на поправку. Воцарится рай на земле. Кругом будут жить счастливые здоровые люди. Продолжим спать и сонно купаться в утехах, изберём Путь ничегонеделания – и мир рухнет в пропасть.

За нашим окном разгорается новый день. Это не просто очередные земные сутки. Это кусочек бытия, когда ещё не поздно исправить положение дел, изменить себя, отказаться от пагубного образа жизни, очистить помыслы, устремления, мечты, полюбить Природу, мамочку-Землю, вспомнить о заповедях Божьих.

В этот новый день, я уверен, мы очнёмся от кошмара, который сами же и производим на планете. Очнёмся, встрепенёмся, осмотримся и воскликнем: «Господи! Да что же такое происходит? Что же мы творим!» Только так. Ведь иначе будущее наше, и наших детишек, и наших внуков, и даже правнуков окажется весьма плачевным. Зацепит всех. И, поверьте, «крайних хат» не будет...

ЧАСТЬ 5

Партнёры

Вот так, друзья, бесславно и развивалась эпопея наших предпринимательских мытарств. Конечно, мы старались не вешать нос. Вместе с тем, жизненная ситуация, в которой оказались я, Славунька и Олюшка, более всего напоминала глубокую тёмную яму. Сырую, вонючую, затхлую ловушку, спастись из которой невозможно. Где-то там, высоко над головой, маячил светлый спасительный пятанок выхода. Но до него, казалось, было невообразимо далеко. Как ни тянись, как ни старайся.

Гнусное предательство Наташи подавило нас окончательно. Пошатнулась вера в людей. В справедливость. В собственные силы, наконец. Кто мы вообще такие? Мы никто! Вначале прогорели в кафе-закусочной. Затем без спроса «одолжили» денежки из родительского сейфа. Так и не вернув ему ни единого медного грошика, стараниями Натальи Михайловны погрязли в кредитном займе. В итоге, на ближайшие восемнадцать месяцев (под двадцать два процента годовых) мы со всеми своими пожитками поступили в распоряжение нашего нового господина – частного иностранного банка. Впереди маячили нищие беспросветные будни и тяжёлый с отцом разговор. От этого хотелось просто выть...

В истории наших многочисленных фиаско свою решающую роль сыграли и первостепенные, и вторичные обстоятельства. Тут и отсутствие специального опыта – то, о чём я говорил ранее, и наши незавидные деловые качества, и слепое доверие всем подряд, и работающие с нами бок о бок недобрые люди, и многое-многое другое. Значимое и не очень. Помимо упомянутых причин, в этой части книги мне бы хотелось остановиться ещё на одном определяющем факторе. Речь пойдёт о погрязшей в пороках и коррупции государственной экономической минисистеме –

непредсказуемом и сложном механизме, внутри которого, собственно, мы и выстраивали свой семейный бизнес.

В бытность Советского Союза множество отчаянных людей, категорически не согласных жить на одну зарплату, тоже пытались как-то наладить своё коммерческое дело. Вызов крепким экономическим реалиям бросали разномастные дельцы, торгаши, кооператоры, спекулянты, цеховики и коммерсы. По сравнению с нынешними временами советский человек жил просто сказочно. Достойная зарплата, копеечные продукты питания, доступные коммунальные услуги, бесплатное образование и здравоохранение. Но кооператорам советского разлива хотелось большего. И они этого большего таки достигали.

В Советском Союзе образ предприимчивого хозяйственника ассоциировался с высоким социальным статусом, немалым материальным достатком и твёрдой уверенностью в завтрашнем дне. Пиком благополучия в СССР считалась покупка автомобиля. Хорошее авто позволяли себе в то время только члены-корреспонденты Академии наук, ведущие инженеры предприятий, капитаны дальнего плавания, известные спортсмены и космонавты. Советские торговые работники и цеховики запросто могли приобрести себе «Жигули», «Волгу» или даже «Мерседес». Некоторые из них покупали сразу несколько автомобилей – для работы и отдыха. На службу они добирались на «Жигулях», в Сочи катили на роскошном «Мерседесе».

Советскому предпринимателю были чужды такие понятия, как дефицит, очередь или блат – он сам для окружающих был блатом. Холодильник советского коммерсанта (а так же холодильники его друзей, подружек, знакомых, ближайших и дальних родственников) всегда по края загружался свежим палтусом, говядиной, свининой и домашней курятиной. Мясо и рыба были отменного качества. Палтус – значит, палтус, полуметровая пятикилограммовая рыбина. Курица – значит, розовый бройлер, а не посиневшая заскорузлая дуля с двумя когтистыми лапками, сама ушедшая из жизни. В компанию к мясу и рыбе поступали красная икра,

консервированные шпроты (прибалтийские, из Латвии!), кальмары, мясо криля, сырокопчёные колбасы, шоколадные конфеты с вишенкой и коньяком внутри, напитки «Тархун» и «Байкал». Всё это дефицитное добро рядовому обывателю нужно было добывать в изнурительных бесконечных очередях (и то не факт, что добудешь – советский дефицит, едва поступив в продажу, обладал магической способностью тут же исчезать с прилавков).

Одежда и обувь советского торговца – это саламандровские кожаные туфли, адидасовские спортивные костюмы и кроссовки, удобные деловые костюмы, индивидуального пошива пальто и плащи (так называемая фирма). Из нагрудного кармана фирмы частенько выглядывал заманчивый глянцевый уголок профсоюзной путёвки в комфортабельный санаторий одного из курортов Крымского побережья. Евпатория, Судак, Ливадия, Гаспра и Алупка радостно распахивали свои объятия для советских денежных мешков – удачливых цеховиков, хитрых спекулянтов и уважаемых коммерсов.

Но самое главное, на советских подпольных и полуполициальных предпринимателей не давил груз систематических поборных обязательств, которые сегодня так любят налагать государственные контролирующие ведомства и службы. Что такое «милиция», «ОБХСС» и «места, не столь отдалённые», конечно же, знал любой советский махинатор. Но зато, в отличие от нынешних коррупционных традиций, ежемесячный «занос в нужные двери» практиковался крайне избирательно и осторожно.

Сегодня в мировой Системе дела обстоят совершенно иначе – централизованнее, жёстче, рациональнее и беспринципнее. Современный рядовой предприниматель (если он, конечно, не аффилирован со священной коровой – местной налоговой или полицейской структурой), зачастую, представляет собой жалкого презренного раба, зависимого от всех и вся человечка, эдакого репинского бурлака, тянущего свою брентную лямку за вполне умеренный заработок. Если же гигантские ухищрения и бессонные ночи не пропадут даром, и скромный бурлак преобразится в

солидного предпринимателя, список его зависимостей не уменьшится, а напротив – пополнится. В кабальный перечень добавится зависимость от страха и жадности – боязнь всё потерять и непреодолимая страсть преумножать добытое богатство. Таким образом, как ни крути, при любом исходе суть раб. В этом тоже проявляется природа Системы – любыми методами, средствами и ценой превратить человека в живой рабочий инвентарь.

По теме коррупции выпущено сотни художественных фильмов, документальных лент, телепроектов, написано тысячи статей, проведено множество журналистских расследований. Коррупция – это очень плохо. Она разъедает государственные устои, прививает пренебрежение к закону, унижает людей, превращает общество в серую массу данников. И коррупционеры – тоже не самые лучшие представители социума. Это именно те люди, усилиями которых выстраивается многоступенчатая конструкция коррупционного аппарата.

Однако, не будем излишне предвзяты к публике, представляющей чиновничью коррупционную прослойку Системы. Вся она, за некоторым исключением, состоит из нормальных и разумных людей (хороших, но позабывших о том, что они хорошие). Или из плохих. Но плохих не потому что таковыми родились, а потому что правила на игровом поле устанавливает Система. Именно Матрица вынуждает людей становиться теми, кем нужно. По аналогичному принципу на производстве отливают, вырезают и штампуют инструменты и расходные материалы. У болтов, гаек, саморезов и разводных ключей никто и никогда не спросит, чем иным они желали бы быть.

Представителей государственных служб, так сказать, контролирующих работу юридических и физических лиц – субъектов предпринимательской деятельности, мы для себя прозвали просто: партнёры. Коротко, но ёмко. Несправедливо, но никуда не денешься. Партнёр – это теневой регулятор бизнеса. Если не заострять внимания на том, что отношения между

предпринимателями и партнёрами напоминают дружбу колхозной доярки и сонной приунывшей коровки, можно сказать: партнёр – это почти товарищ. Такой себе долгосрочный незванный соучастник в общем деле. Он же и завуалированный узаконенный вымогатель.

У современного предпринимателя таких партнёров совсем «немного». Например, в торговле партнёрами выступают плюс-минус десять служб. Давайте загибать пальцы: торговый отдел исполнительного комитета (районного либо поселкового), особый отдел городского исполкома, налоговая полиция, налоговая инспекция (фискальная служба), ОБХСС (ОБЭП), санитарно-эпидемиологическая служба (в народе – санстанция), пожарная инспекция, экологическая милиция, Общество защиты прав потребителей, местное полицейское ОВД. Иногда, правда, не слишком часто, на торгашей устраивают облавы представители государственного надзора за оборотом алкогольной и табачной продукции. Это не в счёт.

Ну вот, «всего лишь» десять служб. Чтобы удержаться на плаву, любой торгаш обязан надувать щёки и с каждым из этих ведомств раскуривать Трубку мира. Раскуришь – будешь иметь на столе завтрак, обед и ужин. Не раскуришь – побежишь в ближайший банк за кредитом, чтобы погасить непомерные штрафные санкции, выписанные той, либо иной службой.

На своём долгом предпринимательском веку, на этом зыбком пути к успеху, мы со Славуней и Олюшкой распробовали партнёрские отношения от и до. Рассмотрели под всеми углами. Теперь поведаю и вам, друзья. Надеюсь, дальнейшая история нашей предприимчивой семейки будет для вас познавательной и не скучной. К слову, с партнёрами не заскучаешь! Когда Система выворачивает душу, а за ней карманы и последние заначки, лежать на диване некогда. Чтобы выжить, предпринимателю в джунглях городских многоэтажек приходится отчаянно крутиться, изворачиваться, вилять и подмасливать.

Какая уж тут скука!

Налоговая полиция

Впервые мы познакомились с этой структурой после реконструкции нашего старенького кафе. Торжественно отпраздновав открытие, поработали мы спокойно, наверное, месяца полтора. Как вдруг в один из вечеров, поздно, уже перед самым окончанием смены, нагрянули к нам в гости трое бравых парней. Смотрелись они весьма эффектно. Безупречные двубортные костюмы, итальянские сорочки, шёлковые галстуки, лакированные, жутко модные по тем временам, модельные туфли. Колючие пронизывающие взгляды сверлили пространство, словно крупнокалиберные пулемёты. Короче говоря, прирождённые бандиты эпохи 90-х.

Один из триады отделился от друзей, подошёл к барной стойке и высокомерно проскрипел:

– Пятьдеся-я-ят водки, пачку сигаре-е-е-т... в натуре.

Заказ был озвучен предельно просто. Бармен Юрик невозмутимо накидал в хрустальную рюмочку пятьдесят капель огненной воды, так же молча отчеканил по стойке пачкой сигарет.

– Девятнадцать рублей пятьдесят копеек, пожалуйста.

И любезно добавил:

– Добро пожаловать в наше заведение.

Буркнув, словно одолжив, нечленораздельное «асапасибочты!», бандюк небрежно кинул на стойку смятую двадцатку и неторопливо огляделся. Народу в кафе практически не было. Сонные официанты вяло прибирали последние грязные столы, расталкивали придремавших в закуске уставших посетителей, вылавливали из-под стульев гулко звенящие пустые бутылки. Зал готовился к закрытию.

Юрик рассчитал необычных покупателей и, отметив, что бандюки более ничего не желают, тут же потерял к ним всяческое любопытство. Зато свирепые взгляды яркой триады с каждой минутой разгорались всё заметнее и заметнее. Нетронутая водка и

сигареты сиротливо ютились на матовой поверхности барной стойки. Они ответственно выполнили поручение, и теперь были уже не нужны своим новым хозяевам, поскольку являлись всего лишь дешёвой уловкой, на которую проверяющие органы ловят потерявшего бдительность нашего брата. Разумеется, дежурная фраза не заставила себя долго ждать. С минуту потолкавшись у стойки, главный из незнакомцев лениво полез во внутренний карман пиджака, нехотя извлёк красную ксиву и, распахнув, сунул её под нос оторопевшему Юрику:

– Налоговая милиция! Оперативная проверка!

Как правило, такие слова наводили на предпринимателей совершеннейший ужас...

Департамент налоговой полиции РФ был сформирован в 1993 году. Созданный в соответствии с Законом РФ «О федеральных органах налоговой полиции», этот госаппарат был призван контролировать соблюдение государственными и частными хозяйствующими субъектами норм налогового законодательства. Сотрудники аппарата получили широкие полномочия. В перечень обязанностей налоговых полицейских вошли проведение выездных проверок финансово-экономической деятельности предприятий, разработка и реализация мероприятий по противодействию коррупции в налоговых органах, защита сотрудников налоговых инспекций при проверках субъектов хозяйствования, проведение оперативно-розыскных, экспертных и уголовно-процессуальных мероприятий.

В Украине налоговую полицию создали в 1996 году по Указу Президента Л.Д. Кучмы «О вопросах государственных налоговых администраций». Позже, в 1998 году вступил в действие Закон «О государственной налоговой службе», согласно которому налоговую полицию переименовали в налоговую милицию. Но несмотря на этот закон, украинские предприниматели до сих пор почему-то используют термин «полиция». Наверное, для солидности.

В среде малого и среднего бизнеса известие о создании нового контролирующего органа вызвало однозначную реакцию. Какой она была, догадаться не сложно. С матючком, злым словцом или едким справедливым замечанием, бизнесмены досадливо всплёскивали руками и выражали общее мнение предпринимательской братии: «Вот только налоговой полиции нам сейчас и не хватало!»

Они были совершенно правы. И без полиции у современных крепостных на слово «налоговик» уже давно выработался ориентировочный физиологический рефлекс, как у собаки Павлова на лампочку или звуковой сигнал. Подопытная собака видит мерцающую лампочку или слышит трель звонка, и тут же у неё проявляются ориентировочные физиологические симптомы – к примеру, дрожь в лапах или слюноотделение. Почти то же самое происходит и с нами, предпринимателями. Слышишь слово «налоговик» – и сразу дёргаешься, и подпрыгиваешь, и округляешь глаза. Неудержимо хочется схватить винтовку, натянуть металлическую каску, забраться в окоп и занять круговую оборону. А тут ещё к ненавистному «налоговому» ещё и угрожающую «полицию» присовокупили. Это же надо, политиканы очередной раз постарались!

Как зачастую бывает с вновь созданными государственными структурами, налоговая милиция из кожи вон лезла, чтобы понравиться власть имущим отцам-основателям. Полицай, как мгновенно окрестила их шустрая народная молва, кошмарили бизнес ретиво, по полной программе. Обыски, допросы, угрозы, беседы «с пристрастием» (так называемые расширенные или форсированные допросные меры), всего хватало. Процедура проходила быстро и жёстко: «Документы – на стол, открываем сейфы, сбрасываем пароли на базах данных, выворачиваем карманы (да поживее шевелись, муфлон!), раздеваемся до трусов, будем расстреливать!» В первые годы работы налоговой полиции

именно в такой последовательности обыски и происходили. За исключением расстрелов, конечно.

Истории о взаимоотношениях предпринимателей и полицейских стали уже притчами во языцех. Однажды простой тридцатилетний парень оформил кредит, выкупил на оптовой базе партию водки и организовал перевозку ценного груза к себе в магазин. Но на полпути его перехватили налоговые полицейские. Фуру опломбировали, груз (кстати, вполне легальный) конфисковали, а несостоявшегося Рокфеллера загребли в допросную. В этой волшебной комнатке, сами понимаете, чаем с пирогами не потчевали. Вместо них парня угостили «форсированными допросными мерами». Проходили они вот по какому плану. Подозреваемого усаживали на деревянный стул. Вначале следовал один короткий удар резиновой дубинкой по бёдрам. Первый вопрос: «де замацал бабло на целую фуру водяры, лошара?» Ответ не важен. Тут же свистели уже два удара дубинкой – по бёдрам и почкам. Сразу второй вопрос: «Колись, падла, моешь ли левак?» Два удара дубинкой по почкам. «Молись, гнида, твой час настал». Два удара толстым фолиантом по затылку. «Ну что, вспомнил, чмырь, налик стираешь? Нет? А кто стирает? А может ещё чего-нибудь про кого-нибудь знаешь?» В общем, полтора часа гостеприимного приёма закончились для несчастного парня инфарктом миокарда.

Или вот ещё история. На частную строительную фирму внезапно нагрянули налоговики-полицейские. Женщина, главный бухгалтер, не растерялась. Чтобы утаить ключевые финансовые отчёты, она свернула их в трубочку и вставила рулон, извините, себе в трусики. А что оставалось делать? Попав под обыск, жизненно важно было скрыть документацию, которая давала зацепки для будущих следственных действий.

Но устремления насмерть перепуганного главбуха успехом не увенчались. Её затолкали в отдельную комнату, туда же впустили двух женщин – сотрудников полиции. Тётечке нахлестали по щекам (ладонями, картонной папкой, попавшимся под горячую

руку каким-то журналом-ордером), заставили раздеться догола и изъяли мешающий её нижнему белью рулончик отчётов. Трусики, правда, вернули на место. Обыскав офис и обшмонав сотрудников фирмы, полицаи не стали тратить время на копирование компьютерных баз данных, а попросту повывёргивали разъёмы, штекеры, провода и забрали системные блоки на проверку в техотдел. А рыдающую, размазывающую по лицу тушь тётечку-главбуха вместе с грустным шефом фирмы затолкали в легковушку и увезли в свои гестаповские застенки.

В этих застенках теперь должен был побывать и я.

На фоне таких историй, рассказов и слухов (или правды?), физическое и моральное превосходство налоговых оперов было вполне очевидным. В тот вечер я просиживал над документами, не спеша терзал клавиатуру компьютера, сводил приходные и расходные отчёты. Когда слышу, какой-то топот в коридоре. И вдруг распаивается дверь, врывается до ужаса перепуганный Юра Константинович и как давай голосить:

– Николаич, беда! Ох, беда, беда, Ни-ко-ла-ич! Что же делать? Что же делать! А?

– Юрик! – вздрогнув, осадил я бармена. – Беда уже оттого, что ты вломился ко мне и орёшь как резаный!

– Налоговики! Ах-х-х, га-а-ады! Сво-о-олочи какие! Сволочуги! Вот ведь, сволочу-у-уги!

– Кто? Фискальные?

– Хуже! Полицаи!!!

– ???... !!!... О, ё-ё-ё...

Юра, кривляясь, продолжал манерничать:

– Они мне, мол, молодой чалаэк! А ну-ка, пятьдесят грамм хорошей водочки подай-ка, будь любезен! То да сё! Покурить... Я их рассчитал...

– А кассовый чек – тю-тю! Да, Юрец?

– Да кто же знал, Николаич? Мы что, чеки часто пробиваем? Совпадение!

Это тоже было правдой. Соккрытие выручки в виде непробитого кассового чека – одно из наиболее распространённых нарушений в розничной торговле и общепите. А куда народу деваться? В то время малый бизнес, преимущественно, работал по упрощённой системе налогообложения. Упрощёнка предусматривала единую налоговую ставку – 10% от общей кассовой выручки. Проще говоря, с каждой 1000 рублей кассы в муниципалитет отчислялось 100 рублей. Путём несложных арифметических действий можно подсчитать, что взимаемые 10% от выручки при средней торговой наценке 20–25% – не что иное, как разбой. Если мы наценим товар стоимостью 100 рублей на 25%, получим розничную цену 125 рублей. После продажи этого товара прибыль составит 25 рублей. А 10% налога от 125 рублей выручки – 12,5 рублей. То есть, скромные 10% Единого налога – это грабёж половины прибыли предприятия, которую законодатели отбирали у бизнесменов и направляли на казначейские государственные счета. А далее крутись как хочешь.

Рядовые предприниматели, оплатив «услуги» всех своих партнёров, выплатив зарплаты сотрудникам, перечислив коммунальные расходы и налоговые платежи, при такой, казалось бы, невзрачной налоговой нагрузке оставались ни с чем. Приходилось химичить. Глупая статья Закона сама же и заставляла нарушать предпринимателей налоговое законодательство.

– Да я что, обвиняю тебя, Константиныч? – успокоил я бармена. – Какие к тебе претензии? Но, веришь, так не хочется в гестапо!

– Да я понимаю тебя, Николаич, – задумчиво протянул Юра. – Понимаю... Так что им сказать?

– Что сказать, что сказать! – разозлился я. – Сто лет нужны им наши байки, если они капуста заявили нарубить! Ладно, Юрик, дуй в зал, скажи, сейчас выйду.

Выпроводив бармена, я быстренько засобирался на неприятные смотрины.

Накинув пиджак и досадливо сплюнув, я вышел в зал ночного клуба. Вижу, а там работа кипит полным ходом! К трём нашим «бандитам» присоединились ещё двое дружков-единоверцев. Видимо, сидели в машине, ждали своего выхода. Теперь этот квинтет по-барски расхаживал у нас за стойкой и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно. Они снимали с полок бутылки со спиртным, банки кофе, пакеты с соками, блоки с сигаретами. Что-то из товара возвращалось на место, что-то отставлялось в сторону, что-то складывалось в отдельную коробку – полицаи оформляли конфискат.

Один из бритых проследовал ко мне. В безжизненных рыбьих глазах читалось пренебрежение, на губах стыла презрительная усмешка:

– Хозяин заведения?

– Исполнительный директор, – уточнил я.

Чтобы лишний раз не беспокоить родителей, когда-то я и придумал этот манёвр. Если придётся принимать важные решения – буду принимать их как хозяин. А если много начнут спрашивать, превращусь в маленького вольнонаёмного директора. С которого как с гуся вода. А хозяева, можно соврать, далеко, и приехать не могут. Поэтому давайте решать вопросы со мной. Но много заплатить я не смогу, поскольку всего лишь наёмник. Такой вот был хитрый расклад.

– Да мне как-то по барабану, хозяин ты или халдей! – грубо отрубил бритый. – Незарегистрированный кассовый чек, недолив водки в мерную посуду, пачка сигарет без акцизной марки. Клёво ты попал... хм, директор.

Ничего себе! Дело в момент сшили. Знает, халтурщик, что подставляет. И при этом глазом не моргнёт. Ситуация откровенно пахла крахом. Тем не менее, я постарался держаться невозмутимо и независимо.

– Да я уже понял, что попал, – как можно бесшабашнее согласился я с бритым. – Вопрос в том, где и как искать. Что, мужики, жалобы на нас? Или дорогу кому перешли?

Я попытался выстроить беседу в доверительном ключе. А там, глядишь, и за отдельный столик затащить сумею. Смажем разговор напитками, подкрепимся салатиками. Через полчаса девчонки подадут горячую курятину по-французски. Дружбу закрепим конвертиком с несколькими купюрами. В общем, как обычно. Первый раз в первый класс, что ли?

И я тут же взялся за деликатное дело. Попробовал намекнуть на обоюдно выгодное уединение в гостевой кабинке. Вижу, партнёр не ведётся. Ещё раз намекнул. Нет ответа. Пришлось сказать в лоб, что у нас готовят самые лучшие в Евразии отбивные, а к ним ещё и подают великолепное чешское пиво. Не-а, и тут не получилось! Стреляный воробей попался, матёрый. Либо задача другая. Да, скорее всего. Если бы захотел – уже давно бы пьянствовал со своей когортой в одной из наших кабинок. А следом и карман под конверт оттопыривал бы. И точно. Мои догадки тут же подтвердились.

– Да ты, типóк, в натуре, не напрягайся. Отбивнухи, пивасик, энто, сдаётся мне, бомбический расклад. Но не севодни. Мы, в натуре, гы-гы, на службе. Так что севодни ты в пролёте, братэлло! Ща конфискуем, опишем, актик, а там под белы ручки – и с нами. Хотя, нет... гоню, в натуре. Поздно уже. Куда тебя, штемпа, тащить? Сам завтра явишься к нашему шефу. На ковёр, гы-гы.

Ну точно, тридцать седьмой год! Ладно. Не забирают – уже неплохо. Значит, я оказался прав. Загадочный шеф полиции познакомиться захотел.

Обыск подходил к концу. Девчонки-официанты, сбившись в стайку испуганных синичек, тихо сгрудились в сторонке. Закончив шерстить бутылки со спиртным, великолепная пятёрка засобиралась. Оглядевшись по сторонам, главный из них неожиданно вежливо окликнул меня:

– Можно вас... пожалуйста.

Издевается, редиска! На публику играет. Я подошёл, а он мне участливо так и говорит:

– Распишитесь, пожалуйста, в акте. Будьте добры. Во-о-он там, где галочки. – И тычет пальцем: – Здесь, здесь и здесь. Ага, ещё вот тут – объяснение. Какое? Ну, типа, с актом согласен, про нарушения не знал, не успел проконтролировать, больше не буду, исправим в кратчайшие сроки... Ага. Типа того. Спасибочки.

И уже тише – мне на ухо:

– Слышь, дёррик, хвать твою за ногу! Завтра, в десять ноль-ноль – у нас. Смотри мне, шобы как штык! Адрес в акте написан. Если не хочешь, мля, иметь проблемы со свободой передвижения, четкаря в десять и прируливай. Сечёшь поляну? Водяру, ясный перец, мы забираем. Конфискат. Акцизных марок нету... И на табаке их тоже нема...

– Так был акциз, – перебив полиция, наивно начал я доказывать свою правду. – Водка с документами, легальная. У нас с этим строго. И сигареты тоже. Сам проверял. Был акциз.

– Был да сплыл. Кто видел? Кто докажет? Я сказал – акцизных марок на пузыре нет. На сигаретах его тоже, гы-гы, нет. Я так понимаю, подделка. Контрафактом банкуете!

Вот оно как! Посрывали акцизные марки, злодеи. Подставляют. А это действительно статьёй может закончиться. Вяжут по рукам и ногам. Нет, не так выразился. Готовят к беседе со своим шефом. Вот.

Ровно в десять утра я прибыл в районное отделение налоговой полиции. Хозяин кабинета встречал меня, вальяжно развалившись в роскошном кресле и забросив ногу за ногу. Полноватое лицо, модная короткая стрижка, дорогущий, чёрной замши, пиджак, вишнёвая водолазка и толстые навороченные часы на руке. Прикид главного полиция дышал состоятельностью и шиком. Направляясь на так называемую беседу, я тоже одел самое дорогое, что присутствовало в моём гардеробном арсенале. Но куда мне было тягаться с полицейским шефом! В шикарном кабинете я чувствовал себя нищим старцем-схимником во владениях персидского эмира. Мне бы ещё в руки палку какую-нибудь корявенькую, сухую. Для

полноты картины. И сгорбиться чуть-чуть. Определённо, будто за подаянием припёрся! А ведь так оно, по сути, и было.

Занырнув в роскошь кабинета и сделав несколько шагов, я тормознул и осмотрелся. Массивный офисный стол-гигант из красного дерева, пластиковые окна, жалюзи, ряд никелированных стульев. Несколько дубовых шкафов. Под потолком – японская сплит-система. В углу – живая зелёная пальмочка. Совсем неплохо для начальства районного уровня. Кивком головы меня пригласили присесть. Снизосшли. Хотя, сказать, что со мной общались через губу, тоже не могу.

– Виталий Николаевич, директор малого предприятия, – твёрдым голосом представился я важному хозяину кабинета.

– Да зна-а-аю, зна-а-аю, – вяло взмахнув рукой, прервал мою несостоявшуюся тираду шеф полиции. – Наслы-ы-ышан уже.

Ну, понятно. Сейчас начнёт развешивать лапшу на локаторы, что о таком неблагополучном предприятии, как у нас, легенды строем ходят. Что у нас натуральный налоговый беспредел. Что подобного бардака в документах вообще представить себе нельзя. Так, что там ещё. А, да! Такого произвола от опытных торговых работников он никак не мог ожидать. Странно, как мы вообще ещё работаем. И тому подобное.

Несмотря на серьёзность встречи, представляете, друзья, каких усилий мне стоило не рассмеяться, когда началось:

– Вернулись мои пацаны... ну, инспекторы, с внеплановой проверки твоей богадельни. Говорят, что многое повидали, но тако-о-ого, как у вас – никогда. Да-а-а!!! О твоём неблагополучном предприятии, мой юный друг, уже легенды ходят. Натуральный налоговый беспредел! Полнейшее игнорирование буквы закона. Не побоюсь этого слова, хамское отношение к представителям власти. Хамское! Как вас ещё не закрыли, не понимаю. Короче говоря, милостивый сударь, полный абзац!

– Я не знаю, уважаемый...

– Игорь Валентинович...

– ...да-да, уважаемый Игорь Валентинович. Так вот. Я не знаю, где ваши инспекторы увидели хамское отношение и беспредел. Вы вообще можете представить сорвиголову, позволившего себе хамить представителям вашего ведомства?..

Подкинул леща. Пузатенькие чиновнички это жуть как любят! Но не сюсюкаю. Ни в коем случае. Сожрут.

Между тем, продолжил:

– Нарушения есть, это да. А у кого их нет? Капитализм у нас только начинается. Барахтаемся как можем. Но не злоупотребляем...

– Да ни фига вы не можете! – зло оборвал меня Игорь Валентинович. – Если бы могли, я бы с тобой здесь и сейчас не обогащался... э-э-э... не общался. И вообще. Вроде бы, с виду, опытные торговые работники, не первый день в деле. Не пойму. Ну как, скажи, можно было допустить подобный произвол?

Ну да, типа, не с его подачи меня на ковёр направили. Инспекторы совершенно случайно проходили мимо, и думают: «А ну-ка, давай-ка мы заглянём в это кафе, проведём внеплановую проверку, посрываем акцизные марки с бутылок и повредим пачки сигарет!» Завернули они меня в кабинет к Игорю Валентиновичу тоже, разумеется, случайно.

– Игорь Валентинович, к чему казнить? Я вас прошу! – проникновенно перевёл я дипломатию в иное русло. – Мы люди не гонористые, простые. Никому не мешаем, со всеми дружим. Работаем, стараемся. В районе нас знают, не первый год в деле. Со всеми находили общий язык, давайте и с вами найдём.

Ну вот, собственно, мы и подошли к цели встречи.

– Ну и как ты собираешься искать язык этот, который общий? – алчно сверкнув глазами и отвалившись на кожаную спинку кресла, дежурно поинтересовался Игорь Валентинович.

Не знаю, как в таких моментах выкручиваются другие предприниматели, наверняка у каждого имеются свои тактические ходы и соображения. Я же предпочитал бить ситуацию в лоб! Говорил чётко и прямо, нагло и уверенно, безо всяких там блеваний

«ну вы же понима-а-аете, мы не забу-у-удем, отблагодари-и-им...», «пойди-и-ите навстречу, пли-и-из, мы не останемся слепы и глухи к вашей не имеющей границ доброте-е-е...» Сухо, буднично, спокойно. Против такой выверенной наглости защиты нет. Позиция выигрывается в два хода.

– Все очень просто, Игорь Валентинович, – с наигранной беспечностью пожал я плечами. – Сейчас мы с вами аккуратненько порвём этот фиговый листок, который важно называется «Акт внеплановой проверки». Чушь там сплошная. Контрафактная водка, отсутствие акцизных марок, левые сигареты... Чушь и подставка...

И без того выпуклые глаза налогового расширились. Интересно, от радости или удивления?

– ...а далее я заберу свой ящик с водкой и ликёрами, – продолжил я, – а вы внушите своим бойцам, что наше предприятие оказалось самым законопослушным предприятием в городе. Мы обменяемся мобильными телефонами. Мало ли какие вопросы возникнут. А я вас за это отблагодарю. Как вам деловое предложение?

Такого стремительного, но в то же время и учтвого выпада налоговый явно не ожидал. Полицейский уставился на меня вылезшими из орбит глазами и, негодуяще перебирая губами, пытался вымолвить что-нибудь вразумительное.

– ...д-да... д-да... д-да ты что?! Ты в своём уме? Чё ты такое несёшь? Да за кого ты меня держишь? Ты! Салага! Щегол! Малолетка! Да я тебя...

Вы не подумайте, друзья, что в кабинете Игоря Валентиновича я чувствовал себя как дома. Получасом ранее, шагая по коридорам полиции на допрос, я мельком увидел на стене красный глянцевый плакат с алой пятиконечной звездой и напечатанной всем известной цитатой Ф.Э. Дзержинского: «Если вы всё ещё на свободе – это не ваша заслуга, а наша недоработка». Такой себе ненавязчивый чекистский юморок. А ещё я заметил, как под плакатом, в пыльном углу, кто-то оставил две увесистые резиновые дубинки, по ГОСТу именуемые «Пус-2» (палка

универсальная специальная). Имеют они и другое название, ещё более чудесное – «Аргумент». После созерцания плаката со знаменитой фразой, подкреплённой двумя увесистыми аргументами в углу, чувствовал я себя отнюдь не безмятежно. Всё моё спокойствие было напускное, поверхностное, спектакльное. Внутри меня от дикого напряжения трусилась каждая жилка, каждый маленький нервик! Я прекрасно понимал, что происходит, и не забывал, где нахожусь. Здесь и сейчас решалась если не моя судьба, то дальнейшая судьба нашего бизнеса – это точно! К тому же никто не давал никаких гарантий, что выйду я из этих стен легко и быстро. И дёшево.

– ...ты, мля, сечёшь ваще, чё губьями мона шлёпать, а чё – низзя? – подпрыгивая на троне, продолжал негодовать Игорь Валентинович. – Мало того, что устроил у себя какой-то шалман – контрафакта по горло, ни акцизов тебе, ни чеков пробитых... ты ваще шарить, шо такая движуха под «чёрным флагом» называется?! Ты чё, типа, уверен в себе, да? Типа, молодой да борзый? Так мы живо приземлим! И тут я распоряжаюсь... только я, понял, да? Я буду решать, что, когда, в какие двери и сколько ты будешь заносить!

– Игорь Валентинович, кто же против! – почувствовав, что запахло жареным, живо закивал я. – Любое ваше условие, но чтобы и для нас со счастливым финалом. Что-нибудь такое... средненькое. Ну, там... не знаю... По обычному тарифу. Я согласен. Дело в том, что...

В соседнем кабинете хлопнул вдруг резкий свистящий удар. Душные коридоры полиции пронзил истошный вопль. Следом раздался ещё один удар. И опять к коридорным потолкам взвился вопль, но октавой повыше. Звуки такие, будто бы били толстым железным прутком по мешку с песком. Я замер.

– А-а-а! Гады! А-й-я-я-й! Согласен! А-а-а-а-й! Согласен! Пишите! Согласен! Согласен!

Неповоротливый Игорь Валентинович отреагировал мгновенно. С неестественной для своего веса живостью он

подскочил из кресла и, приоткрыв дверь, зыркнул в гестаповские коридоры:

– Пацаны, тише вы, ну! Чё там у вас? Давайте, в натуре, весь район сюда соберём (кивнул в мою сторону) и кошельков публично лупашить будем! Ну чё вы, в натуре, как первый раз под трактором! Харэ так громко лабать, а!

Любопытным гусаком вытянув шею, я тоже попытался кинуть глаз в дверной проём. Ничего интересного. Серые стены, тусклые лампочки. Тяжёлый казённый воздух. Толком подсмотреть ничего не смог – мешала туша Игоря Валентиновича. Было только слышно, как кто-то там, постанывая, кряхтит через стенку.

– Да всё нормуль, Валентиныч! – загудел чей-то сочный басок из застенков напротив. – Мансы идут пучком! Видишь, раскаялись... Жалеют... Пишем показания. Скоро закончим.

«Всё пропало! – подумал я в отчаянии. – Вон как узник орёт! Вовпит-то он не просто так, от нечего делать!»

Я дюжее прижал эмоции и приготовился к худшему. Неудержимо вдруг захотелось на волю, на свежий воздух, куда-нибудь туда, за холодную крепь оконных стальных решёток. Захотелось, чтобы всё это быстрее закончилось!

Мы вернулись за стол переговоров. Игорь Валентинович снова погрузился в свой любимый трон. Я, показательно робко и несмело (или уже не показательно?), присел напротив.

– Ты, братан, меня тоже пойми, – приложив кулак к груди, уже спокойнее продолжил налоговый. – У нас здесь не базар. И не фирма охранных услуг. Ты нарушил закон. Понимаешь? За-кон! А это административный штраф. Как минимум! Про уголовную ответственность я вообще заткнулся! Да ты и сам, я думаю, догоняешь, чё за самопальную водяру светит. Нам эту шнягу организовать, врубаешь, словно два пальца об асфальт... Или сомневаешься? А если даже и административка, то штрафы у нас, слышал какие? Хе-хе... в натуре, мало не покажется. Но есть варианты. Пацан, вижу, ты неплохой, самостоятельный, работающий...

Ну вот, оттепель. Фу-у-ух! Вроде бы, пронесло. А то «я-я-я буду решать, когда, куда, сколько!» Конечно же ты, Валентиныч. Главное, чтобы мы смогли потянуть назначенную тобой мзду. Обозначить ставку несложно, поди попробуй осилить счёт.

– ...я думаю, мы сработаемся. Сейчас определим степень твоей вины.

Неожиданно легко налоговый царь выскользнул из-за стола и, широко улыбаясь, подплыл ко мне:

– А ну-ка, братан, приподнимись-ка! Ай да молодец! – хлопнул Валентиныч меня по правому боку. – Ай молодец! – хлопок по карманам брюк. – Герой!

Похлопывая меня по карманам, Игорь Валентинович, пыхтя, полез... обниматься. Короткие толстые пальчики ловко заиграли по моей спине, шее, груди. Я же погрузился в состояние, очень похожее на лёгкое полуобморочное забытьё. Крамольные мысли заполонили сознание. «Это не я тут нахожусь! И меня никто не обнимает! Не я! Робятки! Чё происходит-то? Га-а-а?»

Но реальность оказалась жестокой. В том-то и дело, что всё происходило со мной, здесь и сейчас! Кабинет начальника полиции... подозрительно пыхтящий Игорь Валентинович... противные ощупывания и обшаривания... Теперь понятно, почему в соседнем кабинете вопил какой-то бедолага.

Меня хватил столбняк. Всяко бывало. Ради спасения предприятия не раз приходилось жертвовать многим. Но так, как сейчас, я ещё никогда не попадал! Уж лучше тогда милицейской дубинкой, резиновой, по почкам. Я согласен на «Аргумент»! Что же делать? Что предпринимать? Как-то ведь нужно реагировать? А? Ребята? Может, сразу ему в табло отвесить? Или погодить? Едрить твою налево! Замер и стою, как безмолвная колода с мёдом. Завис, как дешёвый пиратский софт. А Игорь Валентинович вдруг, раз – и уже снова на троне. Сидит, лыбится, довольный как енот-полоскун у мешка с орехами. Ничего себе, прикольчики!

– Ну... это, – придя в себя и едва сдерживаясь, начал я, – значит, это... ну... мы того... не того... не этого... ну... договорились?

Попытался было вразумительно продолжить разговор, но чувствую, толку мало. Злость переплелась с изумлением, граничащим с потрясением. Эмоции связали язык, словно неспелая хурма. Что-то экаю, нукаю, мыкаю, тогокаю, глаза в пять копеек, рот раззявил. А Игоря Валентиныча, вижу, от моих «того – не того – не этого» за столом покорячило, ржёт, гад, всюю! Слёзы рукою смахивает. Не поспоришь, ему было с чего надрываться.

– Фу-у-х, давненько так не смеялся, – чуть отдышавшись, наконец молвил Валентиныч. – Ладно. Чё предлагаешь? Рассказывай, давай, ещё раз, чё, сколько и когда.

– Так я это... зарплата..., – никак не мог я взять себя в руки. Хотя и смутно, я потихонечку осознавал, что произошло.

– Зарплата, значит, говоришь, – по-хозяйски хэкнул Валентиныч. – Зарплата, в натуре, это всегда хорошо. Ну и чё почём?

Собравшись, я снова бросился в нападение. Но уже не так резво, как в начале знакомства. Кто знает, чего ещё тут может со мною приключиться.

– Ну, вы сами понимаете, Игорь Валентинович, – пустился я в туманные меркантильные рассуждения, – кроме вашей службы есть ещё и други-и-и-е... им то-о-оже на-а-адо...

– Да я понял, понял, – нетерпеливо оборвал меня Валентиныч. – Слава-те, не верблюды. Ты давай, не стесняйся, ближе к теме. Озвучивай уже! Тянешь вола за шары...

– Так я и говорю... И других не обидеть, и вас отблагодарить. Ну, и это, того, чтобы мы в накладе не остались. В общем, пятьсот долларов...

– В месяц? – моментально нашёлся Игорь Валентинович.

Неплохая реакция у мента, чего тут говорить. Не разменивается на разовые платежи.

– А что, нужно в месяц? – включил я полного дурака.

– Нет, блин! За следующую трудовую пятилетку партийный членский взнос! – обозлился Валентиныч. – Ты чё, мля, по цене платной девахи меня арендовать желаешь? Типа, получил чё надо и свалил? Я чё-те, голимый бычий хвост, в реале? Или чё, не согласен? Копаем глубже?

– Нет-нет, Игорь Валентинович! – вынужденно заторопился я. – Что вы! В месяц, так в месяц.

А про себя подумал: «Где «в месяц», там, попозже, и «раз в два месяца» продавлю. По-любому продавлю. Скажу, что не тянем. Куда он денется».

Валентиныч демонстративно задумался. Замолчал. Обвёл взглядом потолок, зыркнул в окошко. На меня посмотрел. Затем пожал плечами и, разведя руками, неопределённо промычал, что-то вроде «ну-у-у-а гхм-гх... агхм-ага». Потом опять развёл руками и опять пожал плечами. Хлопнул в ладоши. Несколько раз притопнул дорогушей нубуковой туфлём. Нагнулся. Посмотрел на каблук и опять что-то пробурчал. В ходе этой разминки я так и не понял, доволен ли Валентиныч предложением или в скором времени опять заявятся к нам модно одетые ребята в клетчатых кепках, водки отведают. Но, судя по всему, предложение приняли. Бросив: «ну ладно, давай закругляться!», Валентиныч неторопливо вылез из-за стола, горячо пожал пополневшую на пятьсот долларов мою руку, прилепил купюры к своей ладошке и барским движением кисти (мол, путь свободен) выпроводил меня восвояси. Наверное, это означало: «Вали, пока я не передумал!»

В соседнем отделе я забрал ящик с конфискованным имуществом (отдали!) и чеканно выбивая парадный шаг, направился к выходу. Вчерашние бритоголовые каты провожали меня почти влюблёнными глазами. А я всё шёл, шёл и шёл по бесконечным серым лабиринтам коридоров. Тяжёлая коробка со спиртным рук не обрывала. Своё ведь. Отвоёванное! Ценою полутысячи американских рублей в месяц. Или в два...

Стальная решётка пропускника звонко клацнула широкими электромагнитными клыками. И вот я на воле. Какой свежий воздух! Какой вкусный! Действительно, пьянит.

Я сгрузил коробку в багажник своих «Жигулей» и осмотрелся. Улица как улица. Вроде бы, всё как и прежде. А вроде бы и нет. Воробушки чирикают, вороны каркают, ветерок поддувает, солнышко светит. Кто-то там библикает на дороге. По тротуару идёт влюблённая парочка, обнимается, смеётся. А в небесах плывут облака. Красота-то какая! Вот всегда так: встрянешь в грязь, и тут же начинаешь замечать то, к чему в повседневной жизни тебе и дела нет. Радуюешься весеннему дождю, летнему зною, осенней слякоти или январской метели. А ещё вчера твоей душе хватало всего лишь накладных и товарных отчётов. Обалдеть можно! Почему так? Почему только сейчас? Почему я раньше не обращал внимания на пышные облака, на уютный шелест ливня, на влюблённую смеющуюся парочку, на воробушка, отбирающего у муравьишки вкусную хлебную корку?

Уже сидя в машине, я прокрутил в голове детали визита. Постепенно они становились на свои места. Не обнимал меня шеф полиции, не приставал. С ориентацией у мужика в полном порядке. Валентиныч меня... обыскивал! Он-то не мог знать, как я поведу себя после вчерашней проверки. А вдруг захочу его сдать? Чтобы поймать Валентиныча на живца, под моей одеждой спецы из внутренней безопасности запросто могли разместить спецтехнику – какой-нибудь диктофон, беспроводной микрофон или миниатюрную видеокамеру. Подключая жизнь у ментов. Сегодня ты на коне, а завтра СБ отдел вверх дном переворачивает, браслеты на коррупционных запястьях застёгивает. Им тоже палочка в отчётность нужна. Вот Валентиныч и ощупывал меня на предмет скрытых технических средств.

Ну да ладно, это их будни и головная боль! На свои бы вопросы ответить. Я провернул ключ в замке зажигания, мигнул жёлтым поворотником и, удачно вклинившись в дефилирующий мимо поток машин, направился к нам в магазин.

ОБХСС

В советское время широко бытовал такой анекдот:

К буфету подходит мужик и говорит:

– Добрый день! Налейте мне, пожалуйста, триста грамм водки, но только в один стакан.

Удивлённая буфетчица возражает странному клиенту:

– Вы, наверное, ошибаетесь. В гранёном стакане не триста, а двести грамм. Давайте я вам в два стакана по сто пятьдесят быстренько соображу.

Клиент соглашается. Буфетчица наливает в один стакан сто пятьдесят грамм водки, и в другой столько же. Мужик просит пустой стакан и выливает в него водку с двух предыдущих стаканов. Получается по краям наполненный один стакан водки.

Толстая буфетчица всплёскивает руками и восклицает:

– Не может быть! Да вы, оказывается, настоящий кудесник!

– Нет, не кудесник, – отвечает мужик. – Ещё круче. Я – ОБХССник!

В расшифровке аббревиатура ОБХСС означает «Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности». Служба ОБХСС была образована в 1937 году. 16 марта 1937 года вышел приказ Народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова №0018 о создании Отдела БХСС в составе Главного управления милиции НКВД СССР. В Положении об ОБХСС прописывалось, что «отдел создаётся для усиления борьбы с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промысловой и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также для борьбы со спекуляцией».

В первую очередь, оперативные подразделения ОБХСС взяли на прицел особо опасных расхитителей соцсобственности, которые в силу бедственного положения с продовольствием активизировали

свою уголовную деятельность. «...Вот так, построили социализм. Хлеб единый, и тот стали в драку получать...», «...Стало жить весело – целый день стоим в очередях за хлебом, а ворьё морды наедает...», «...Так-растак! Дохозьяничались!.. Дёгтя нету, нечем колёса у арбы подмазать!» – всё чаще и чаще сдвигали брови городские жители и крестьянский люд. В тяжёлой экономической обстановке, которая сложилась в молодом советском государстве, создание ОБХСС было более чем своевременным. Не снималась с повестки дня борьба со спекулянтами, контрабандистами, валютчиками и фальшивомонетчиками. Работники раннего ОБХСС проявили себя настоящими бескорыстными энтузиастами, верными и надёжными преемниками Всесоюзной Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), решающей эти задачи до 1937 года.

С началом Великой Отечественной войны поменялись и приоритеты деятельности ОБХСС. Однако, коренных изменений в работе аппарата не произошло. Не дожидаясь объявления мобилизации, большая часть сотрудников ОБХСС добровольцами отправилась на фронт. Многие из них вели боевые действия против оккупантов в составе мобильных диверсионных формирований, партизанских отрядов, подпольных групп. Оставшиеся в тылу сотрудники контролировали снабжение фронта продовольствием, следили за обеспечением предприятий оборонной промышленности жизненно важными ресурсами.

В годы войны участились случаи мародёрства и хищения материальных ценностей граждан. Наиболее распространённым уголовным преступлением стало злоупотребление служебным положением при отпуске товаров первой необходимости: хлеба, консервов, круп, сахара, чая, мыла, махорки и папирос. Для противодействия незаконному отпуску основных категорий товаров, Комитет обороны СССР 22 января 1943 года вынес решение «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных товаров». НКВД тут же издал соответствующий приказ, а сотрудники ОБХСС чётко его исполняли.

После Великой Победы советского народа над немецко-фашистской нечистью в ОБХСС произошли структурные изменения. Однако, суть работы аппарата осталась прежней – бескомпромиссное противодействие хищениям государственной собственности и подпольной деятельности спекулятивных элементов. Усиленный рост экономической преступности отмечался и в 1960–1990 годах, когда резко повысилось число зафиксированных экономических правонарушений и их доля в общем количестве преступлений. Самыми распространёнными экономическими правонарушениями тех лет считались не столько хищения социалистической собственности, сколько так называемые приписки.

Одно из наиболее громких дел по раскрытию схем приписок – «Хлопковое дело». Во времена правления Л.И. Брежнева первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана был Ш.Р. Рашидов – ветеран Великой Отечественной войны, орденосец, председатель правления Союза писателей Узбекистана и член Президиума Верховного Совета СССР. Как лицо, особо приближённое к Брежневу, Шараф Рашидович чувствовал себя вполне уверенно (солнечный Узбекистан – вотчина Рашидова, играл в советской экономике стратегическую роль – был основным поставщиком хлопка для Вооружённых сил и лёгкой промышленности СССР). Неограниченная княжеская власть, осознание собственной значимости и покровительство первого лица советской империи сыграли с ветераном, орденосецем и коммунистом Рашидовым злую шутку. Деньги и власть сломали закалённого фронтовика, втянув его в схемы, несопоставимые с коммунистическими идеями и образами. В Узбекистане ширились кумовство и взяточничество – реальная платформа для процветания коррупционного аппарата. Пристальное внимание Кремля к экономике хлопковой житницы СССР не мешало ослеплённому деньгами Рашидову выстраивать многомиллиардные коррупционные схемы, которые обогащали не

только правящую верхушку Узбекистана, но и щедро подогревали тысячи (!) участвующих в приписках нечестных людей.

В Центральном комитете Коммунистической партии приписок в упор не замечали. Это объяснялось тем, что коррупционные шупальца легко преодолевали расстояния между республиками Советского Союза и Москвой. Схема взяток была проста и одновременно гениальна. К примеру, звонит кто-нибудь из высокопоставленных членов Компартии Молдавии или Украины члену Центрального комитета Компартии в Москву: «Здравствуй, дорогой! Высылаем тебе посылку с нашими знаменитыми арбузами (дынями, грушами, виноградом). В знак добрых отношений, прими, дорогой, наш скромный дар!» В огромный ящик грузились спелые сочные арбузы, а на дно тары помещался плотный толстый пакет с 40–50 тысячами рублей. В Москве продажные номенклатурщики принимали посылку, вскрывали её и понимали: Украина или Молдавия отчитались.

Волга, Дон, Кубань, Сибирь – московским членам ЦК КПСС звонили и оттуда тоже: «Здравствуй, дорогой! Высылаем тебе нашего знаменитого осетра (севрюгу, белугу, паюсную икру). В знак добрых отношений, прими, дорогой, наш скромный дар!» На дне донской, кубанской или сибирской посылки москвичи находили ещё больше – 50–100 тысяч рублей. Регионы отчитались!

Узбекистан не стал исключением. Более того, деятельность именно узбекского руководства связывали с укреплением советской мафии. Звонил Ташкент: «Здравствуй, дорогой! Высылаем тебе посылку с нашими знаменитыми дынями (виноградом, хурмой, гранатами, инжиром). В знак добрых отношений, прими, дорогой, наш скромный дар!» Вскрывает супруга московского номенклатурщика посылочку, а оттуда – упоительный запах винограда, дынь или хурмы. А на дне посылки – серенький конверт с хрустящими 50 тысячами советских рубликов. Узбекистан тоже отчитался!

Жаловаться не побежишь. Это понимали даже самые честные партийные работники. Пожалуешься – могут затянуть по

парткомам: «А почему именно вам прислали эти деньги? А кто прислал? А кому присылали ещё?» В такой ситуации честность и принципиальность запросто могли обернуться исключением из Центрального Комитета или того хуже – уголовным преследованием. Кому это надо? Обрато тоже не отправишь. На том конце трубки обязательно скажут: «Да ну, что вы! Какие деньги? Это какая-то ошибка!» Поэтому конверты всегда оставляли себе.

Далее получилось ещё сложнее. Жажда главного узбекского коммуниста Рашидова к наградам и почестям, подхлёстываемая перспективой вхождения в состав высшего руководства СССР, подтолкнула однажды его к необдуманным и легкомысленным обещаниям.

Посулив Брежневу вырастить и собрать урожай хлопка в размере рекордных шести миллионов тонн, Рашидов (сильнейший администратор и хозяйственник) прекрасно понимал, что земля Узбекистана способна дать не более трёх-четырёх миллионов тонн хлопка в год. Обещание было заранее провальным. Если бы стоял вопрос потери Рашидовым доверия Москвы, ещё полбеды. Но на кон игры Кремль поставил и геополитическую ставку – догнать и перегнать американцев в том числе и по хлопковым показателям. Добиться урожая хлопка в шесть миллионов тонн значило продемонстрировать всему миру беспрецедентный экономический рост государства с коммунистической системой управления. Невыполнимый проект тут же широко разрекламировали в СССР и за рубежом. Откладывать было нельзя, а отступить – некуда.

Осенью в советском Узбекистане проводилась всеобщая мобилизация населения. Как во времена войны. (Насколько я знаю, подобная практика актуальна до сих пор). По очереди закрывались школы, институты, административные и социальные учреждения. От мала до велика узбеки выходили в поле и наваливались на сбор беленьких хлопковых коробочек. Палило солнце – собирали

хлопок. Шёл проливной дождь – всё равно месили ногами грязь делянок и собирали хлопок. Мокрый хлопок весил гораздо больше, и для Госплана это было просто прекрасно! Правда, промокший хлопок при переработке попадал в 6-й сорт (ни на что не годный). Но это никого не смущало. Люди в поле уродовались совершенно бесплатно, на благо Идеи и Партии. Негласная стратегия диктовала свои условия: «Мокрый хлопок, сухой, отборный, шестого сорта – неважно! Главное – государственный план, а остальное – нелицеприятные частности!»

Пока с высоких и очень высоких трибун летели слова о грандиозном строительстве социализма, на сборе хлопка советские люди теряли здоровье. Узбекские детишки чуть ли не круглосуточно вдыхали пары гербицидов и приобретали хронические болезни. Студенты и учащиеся профтехучилищ сутками гробили себя в поле, стирали в кровь ладони и падали от усталости в обмороки. Взрослые теряли на грядках сознание, не выработав и половины плана. Самое печальное, что невероятные усилия трудолюбивого народа не столько наполняли союзный бюджет, сколько увеличивали коррупционные сверхдоходы республиканской и центральной партийной элиты.

Над полями и городами Узбекистана широко реяли призывные лозунги: «Цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи!» «Под знаменем Ленина – вперёд, к победе коммунизма!» «Поднавалимся, дорогие товарищи! Медицина, лёгкая промышленность и оборонка должны получить качественный и дешёвый хлопок!» «Покажем достойный пример оплоту империализма!» «Догоним и перегоним загнивающий Запад!» Что ж, получали. Показывали пример. Догоняли и перегоняли. Любыми методами. Любой ценой. Любыми жертвами. А в это время процветающая на бумаге экономика Узбекистана обеспечивала многомиллиардными (!) средствами не государственный бюджет, а высшее партийное руководство ЦК КПСС Узбекской ССР.

По воспоминаниям ветеранов ОБХСС, средняя сумма взяток, фигурировавших при расследовании «Хлопкового дела», исчислялась сотнями тысяч (!) рублей. В ходе нашумевшего процесса было выявлено около 18 тысяч (!) фигурантов. При пересчёте по нынешнему курсу валют хищения составили порядка 12–13 (!) миллиардов долларов.

Несколько страниц этого материала довольно-таки поверхностно отражают суть и роль ОБХСС времён тридцатых годов прошлого века, Великой Отечественной войны, сытого советского застоя. Эту информацию я привожу для общего ознакомления с контролирующим органом ОБХСС – структурой весьма полезной, грозной, принципиальной, приносящей стране огромную пользу.

Век не стоит на месте. В незабываемом прошлом остались и послереволюционные двадцатые – тридцатые года, и Великая Отечественная, и брежневский застой, и недолгая власть Андропова и Черненко. Со времени вынесения последнего приговора по «Хлопковому делу» прошло несколько лет. И вот, пожалуйста, принимайте. На пороге – лихие бандитские 90-е. Развал СССР, крушение несбыточных планов коммунистического строя – грустный финал так называемого утопического социализма, перекочевавшего в марксистские идеи социалистического преобразования общества, крах советской экономики, разложение моральных ценностей.

В связи с постепенным распадом СССР, в 1990–1993 гг. все узлы советской государственной машины претерпели глубинные изменения – слияния, дробления, структурные видоизменения и аппаратные реорганизации. Службу ОБХСС реорганизовали в ОБЭП (отдел борьбы с преступлениями в экономике), который вошёл в подчинение ГУБЭП МВД (Главное Управление по борьбе с экономическими преступлениями). После новейшей административной реформы, в структуре Министерства

внутренних дел РФ сформирован Департамент экономической безопасности (ДЭБ) МВД РФ.

В Украине Указом Кабинета Министров от 5 июля 1993 года советский аппарат ОБХСС реорганизован в Государственную службу по борьбе с экономическими преступлениями (ГСБЭП).

Примечательный момент. За период новейшей истории России ОБХСС несколько раз менял своё название, и столько же раз подвергался реорганизации. Тем не менее, каким бы структурным пертурбациям не подвергался этот аппарат, многие современные торгаши по старинке предпочитают новоявленным ОБЭПам, УБЭПам, ДЭБам и ГСБЭПам родную аббревиатуру ОБХСС. А сотрудники аппарата для торгашей, соответственно, «бэхи». Наверное, это объясняется силой привычки. Так их в народе до сих пор и кличут.

После развала СССР новомодные веяния, подходы и тренды коснулись всех без исключения государственных и гражданских институтов постсоветского пространства. Естественно, свежие тенденции не обошли вниманием и государственные правоохранительные структуры, и ОБХСС в частности. Борцы с коррупцией, офицеры чести и совести, блюстители экономического порядка и стражи закона... Однажды многие из них перестали быть таковыми. Новое время прививало новые ценности, устремления, правила и требования. Да и принципы работы правоохранительных органов перешли на совершенно иные рельсы. Теперь они указывали сотрудникам достаточно чётко и ясно: либо ты тыришь вместе со всеми, отжимаешь, вымогаешь и кушаешь на ужин батон с маслом и свежей икоркой, либо сохраняешь лицо и пробкой вылетаешь из системы. Да, ты защищаешь закон. Да, ты думаешь о гражданах. Да, ты не смеешь ставить под удар показатели раскрываемости правонарушений. Но прежде всего ты тыришь вместе с нами, соблюдаешь сетку сбора податей вместе с нами, отжимаешь у лохов имущество вместе с нами. Ты – один из нас.

Что касается ОБХСС, о раскрытиях уголовных преступлений на миллиард долларов можно смело забыть. Крупные теневые финансовые схемы выявляются сегодня, преимущественно, в ракурсе переподключения и переориентации средств заработка одного важного индюка к другому, ещё более важному, власть имущему и влиятельному индюку. Кто кого сумеет сожрать под соусом защиты экономических интересов государства, тот и оказывается на коне, со щитом, в серебре.

На том по сей день и стоим.

Итак. Новый образ «бэха». Неизменно белая рубашка, светлый костюм, чёрные туфли. Прикид из модного бутика. Аромат французской туалетной воды. В движениях – боярская сытость и вальяжность. Строгий стальной взгляд. Но сталь эта держится недолго. До поры. Ровно до наступления момента «Икс», когда толстая денежная пачка «контрибуции» плавно переместится из кейса предпринимателя за лацкан офицерского пиджака. Зато, после этого – вообще почти друзья! Даже ещё крепче – партнёры!

Инспекторов ОБЭП торгошаи опасаются, наверное, чуть поменьше, нежели сотрудников налоговой полиции. Сказывается возраст аппарата охраны социалистической собственности. Истоки извечной драмы про грешных мытарей-бэхов и хитроумных фарисеев-предпринимателей покоятся где-то в глубине советских времён, как, собственно, и истоки советской торговли, как и само образование ОБХСС. И от этого «бэхи» для торгошай, что ли, роднее, ближе, знакомее.

Потомственные и новоиспечённые торгошаи давно привыкли к ОБХСС, как к родному больному мозолю. В отечественной торговле слова «торгош» и «бэх» – два неразрывных смысловых понятия. Одно без другого не воспринимается и не работает. Помните, как в 80-х годах прошлого века: говорю «Ленин» – подразумеваю «Партия», говорю «Партия» – подразумеваю «Ленин»? Точно так и с ОБХСС. Говорим «торговля», а

подразумеваем, что где-то рядом обязательно крутится сытенький и толстенький ОБЭП.

Безусловно, историческая роль ОБХСС в становлении и развитии советского государства неоценима. Безусловно, польза от мероприятий, проводимых сотрудниками ОБХСС, во все времена очевидна и несомненна. Ну и в конце концов, безусловно то, что нынешний отдел борьбы с экономическими преступлениями – это очередной государственный аппарат, под которым частный бизнес чувствует себя как под железным катком асфальтоукладчика. Будь ты хоть тысячу раз хитроумным, находчивым и осторожным, но коль выбрал предпринимательскую стезю, в любой момент будь готов увидеть перед собой растопыренную бежевую книжечку с настораживающей аббревиатурой ОБЭП, УБЭП, ДЭП или ГСБЭП.

Этому и посвящаются следующие несколько глав.

Заманчивое предложение

Зима в этом году выдалась морозной как никогда. И на редкость красивой. Знаете, друзья, в прошлом году была зима – ну просто ужас какой-то, а не зима. Ни единой снежинки! Одно холодное название. Как вспомню тот декабрь – брррр! Угрюмые свинцовые облака и завывающие в парадных сквозняки – вот, собственно, и все новогодние каникулы. Леденящие вихри, казалось, совсем совесть потеряли. Хлопая по щекам продрогших прохожих, они нагло лезли под одежду, скрипели дверями подъездов, швыряли в небо грязные бумажки дворовых мусоросборников. Распоясались! Только-только остепенился ободранный скряга-декабрь, развернулся такой же несносный январь, ветренный и скупой. Февраль исковеркал голую землю, застудил озябшие на ветру деревья. А снега – три снежинки на две улицы. Вот так и промаялся народ всю прошлую зиму в лихих студёных завертях заскорузлого хмурого города.

В этом году зимушка разом решила оправдаться за все прошлогодние промахи! Лёгкий крепыш-морозец, минус восемь по дядьке Цельсию, солнечно. Густой пушистый снежок заботливо укрыл периной серый декабрьский ландшафт. Много-много снега выпало на радость людям! Куда ни глянь, он повсюду, светлейший князь и благодетель – по-пански развалился у дорог, намёл пушисто-белые гребешки вдоль торговых павильонов и магазинов, могучими холмами подмял крыши многоэтажек, придел в светлые шубки повеселевшие деревья.

Утренние автомобильчики, ночующие под открытым небом платных автостоянок, такие забавные, ну прямо автоснеговички-сугробики. Бамперы в сосульках, сонные фары-глазки замурзаны прозрачным свежим ледком. Нелепо размахивая тощенькими палочками-дворниками, машинки всю пыжата стряхнуть со стёкол снежную кисею. И – не получается! Вихрясь от взмахов застывших дворников, снежок опадает на стёкла, закрывает

водителям обзор. Колёсики – чёрненькие кругленькие бараночки, катятся-бегут по заснеженному тракту, робко поскрипывая протекторами шин.

Деревья... от их красоты и вовсе запирает дух! Ночная метель обратила оледеневшие древесные скелеты в величественные живые монументы. Горделивые, пышные, разодетые, прекрасные! Кроны зарылись в белые пушистые ушанки, согрелись, придремали. Упругие раскидистые ветви, сказочно искрясь в студёной рани, тоже закутались в пленяющее снежно-бархатное одеяние. Острые солнечные лучики, пробиваясь меж тяжёлых облаков к земле, заманчивыми бликами скользят по ветвям, играют, шалют, блаженным мерцанием тормозят напыщенный снежный полог.

В воздухе пританцовывают щекочущие снежинки, заигрывают с Природой и всем живым вокруг. Ложась на землю, они плетут на тротуарах ажурные кружева, клубятся позёмкой, озорничая, скрипят под ногами прохожих. Красота кругом неопишная! Вот это матушка-Зима!

А ещё Новый год. Очень-очень скоро. Буквально через пару недель. И от этого на душе становится ещё радостнее, ещё трепетнее и светлее! Предвкушение любимого праздника будоражит мысли, от которых на сердце тёпленько-тёпленько...

Вот так и я, стою как-то погожим декабрьским утром около подъезда Славуни, люблюсь снежной зимушкой, детство вспоминаю. Представляется мне уютная, украшенная серпантинном и дождиками гостиная с ёлкой под потолок. В углу, над телевизором – праздничная новогодняя лента из календариков, на которых приплясывают снеговички, Снегурочка, хоровод снежинок, Дед Мороз, хоккеист Вовка-тренер с инопланетянами Чуни-Муни и Волк из «Ну, погоди!» Советская пластмассовая гирлянда – две дюжины толстых разноцветных свечей, таинственно мигает в полумраке комнаты, мерцает огоньками, балуется. Красным и зелёным, жёлтым и синим, оранжевым и фиолетовым. И снова зелёненьким – блым!, блым!, блым!

Под Новый год мы со Славуней доставали заветные коробки и мешочки с новогодними украшениями. Расплетали бумажные ленты серпантина, шуршали серебряным дождиком, вырезали из цветной бумаги затейливые снежинки. Новогоднее убранство клеили и крепили где только можно. Снежинки – на окна, серпантин и дождики – под потолок. Разбили случайно ёлочную игрушку? Нисколечко не беда! Разбитые стеклянные шарики и сосульки отец аккуратно дробил молотком или гантелей на плотном альбомном листе бумаги, а мелкие цветные стёклышки перемешивал с клеем. Этой разноцветной массой мы с сестричкой покрывали самодельные бумажные фигурки снеговиков, зайчиков и птичек. Такими они получались блестящими, цветными, трогательными! Фигурки закрепляли нитками к потолку.

По телику – праздничный выпуск «В гостях у сказки», «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова, «Чародеи», «Ирония судьбы...», «Голубой огонёк», «Песня года». На столе – мандаринки! Полная ваза сочных пахучих мандаринов! С кухни в зал проникают приятные запахи – мама выпекает новогодний пирог. А наутро под ёлкой мы со Славунькой найдём подарки, о которых мечтали целый год! Милое детство! Кому под силу вернуть тебя? Как бы хотелось ещё разочек окунуться в твою удивительную беззаботность, вдохнуть твой карамельный аромат, прикоснуться к твоей блаженной безмятежности. Эх, вот бы повернуть время вспять! Кому под силу такое волшебство?

Прошлый Новый год, кстати, тоже на ум пришёл. Разноцветные гирлянды, хлопушки, бенгальские огни. Пренепременнейший эмалированный тазик с белоснежным оливье. Фейерверки. Хрустальные ладьи с приправленной растительным маслом, пучеглазой, страшно удивлённой иваси. Подарки! А полночь всё ближе, и ещё ближе, и вот уже совсем чуть-чуть! Осталась всего минутка старого года. И слышится вдруг долгожданное: бам!, бам!, бам! Десятый! Одиннадцатый! Двенадцатый! Ура!!! Игривые салюты, озаряя серые коробки многоэтажек, взмывают в небесную темень и дивно расцветают во

мгле новогодней ночи. Ликующие возгласы, пожелания, крики, тосты! Шампанское рекой. Гуляй, веселись! Кушай салатки, лакопись фруктами и деликатесами. Очищай от ароматной кожуры спелые сочные апельсины, заедай их шоколадными конфетами, распевай весёлые песни. И вот уже разгорячённые гости, обнявшись и зажав в руках стаканы с шампанским, соком или компотом, в унисон выводят трогательную «Песенку Умки»: «Снег скрипит под жёсткими ступня-я-ями, и хватает вьюга за бо-чо-к, ёлочка сигналист мне огня-я-ями, но-во-год-ний ма-я-чок!» А в цветном экране телевизора Лев Лещенко, Иосиф Кобзон или София Ротару торжественно поздравляют страну: «С Новым годом, дорогие друзья! С новым счастьем!»

Ах, да. Увлёкшись воспоминаниями, совсем забыл ещё об одной штучке. Ма-а-аленькой такой детальке. Деньги. «Ну вот! – воскликнет проницательный читатель. – А так здорово начинал! И сразу всё поломал. Опять про деньги!» А я что, виноват, что ли? Это не я придумал цивилизацию к деньгам пристегнуть. Бесплатно, оно ведь даже в кино не бывает. И без финансовых затрат на Новый год тоже расцветут салюты, накроется богатый праздничный стол с разносолами, зашумит весёлый бал-маскарад, найдутся подарки и развернутся залихватские песни. Всё-всё-всё будет... Но только мысленно. Виртуально. А поскольку мне, как и любому нормальному человеку, хотелось радости вполне реальной – такой, чтобы можно было увидеть, услышать, пощупать и переварить, следовало побеспокоиться о предновогоднем заработке.

Вот поэтому я и прозябал в это снежное морозное утро под подъездом у сестрички. Подждал Тёму – мужа Славунки. По паспорту он Андрей Валерьевич, но все друзья и родственники почему-то кличут его Тёмой. Наверное, от институтских бурных истоков повелось. Он мне любимый зять и лучший друг, а я ему, как родной брат его супруги, вроде бы шурином прихожусь. И лучшим другом тоже.

Вкалывает Тёма снабженцем в нашем районном универмаге. А любого пошиба универмаг – это такая себе торгашеская Мекка, куда стягивается товар со всех оптовых баз города. На складах универмагов круглосуточно трётся полным-полно народу. Тут тебе и водилы-дальнобои, и экспедиторы, и подвыпившие грузчики, и кладовщики, и агенты оптовых фирм. Горячих купеческих новостей тут всегда вдосталь.

Так вот. Маякнул Тёмыч мне намедни. Дело, говорит, созрело. По универмагу прошмыгнул слушок, будто бы в эти новогодние праздники с недорогим шампанским напряжёнка ожидается. Что-то где-то торговые сети прощёлкали. А реальный заработок где? Конечно же, там, где дефицит! Эту тему, говорит, обсудить бы надобно. Что ж, надо так надо. Ну, я и пришёл вот, стою у подъезда, жду его. Долго он что-то копается! Я бы уже успел к ним домой подняться, чаю с кренделями попить, лясы со Славуней поточить. Так нет же, крикнул в форточку, что уже спускается, а сам всё не выходит да не выходит. Оболтус! Холодно ведь. Кренделей-баранок зажал, что ли? Ну наконец-то! Вырулил.

– Тёмыч, ты бы ещё дольше собирался! – недовольно пробурчал я, зябко притопывая замёрзшими копытцами.

– Да понимаешь, Николаич, свежие носкари не мог найти! – покрутив носом, принялся оправдываться Тёма. – Бегал с балкона на лоджию, туда-сюда, туда-сюда. У Славуня спросил – ругается. Мол, сам куда-то закинул, сам и ищи! На батареях не нашёл, на верёвке – ещё не высохли. Не одевать же луноходы на босу ногу! Хорошо, в шкафу пару новых потнячков нарыл.

– И то верно... Ла-а-адно, – оттаял я. – Чего звал? Куда направляемся? К нам, в магазин?

– Да, погнали к вам на работу. Обсудим один вариант. Если в двух словах, отзвонились мне давеча нужные люди – есть отличнейшая наводочка! Дело прибыльное, в меру тяжёлое, авантюрка. В общем, точно для нас.

– Прибыльное, говоришь? – потирая ладошки, заулыбался я.

– Ага. Сла-а-аденькое!

Тёмыч, называется, заинтриговал. А почему бы и нет? На носу – Новый год, и прибыльные авантюрки как никогда в цене. И очень кстати.

Мы направились к автобусной остановке.

– Ну вот. Развиваю далее, – на ходу продолжал Тёма. – Брат моего дружбана – Грека, ну, ты Грека знаешь, так вот, его брат – Вован, как оказалось, на заводе шампанских вин в начальниках важничает, пузом крутит. Я точно не помню, в какой он там должности, но что-то связанное со сбытом готовой продукции. Сечёшь, как это может нас согреть?

– Не-а, – мотнул я головой, – не секу.

– Давай, врубайся живее. Богатое предприятие, импортные линии по разливу шампанского, оптовое море вина и завязки с нужными людьми. Необходимо только ко всему этому немножечко прикоснуться и... в сумме что получим?

– Что получим? Только то, что у них на заводе топ-менеджмент – сплошь миллионеры. Так об этом любой дурак в курсе, – закивал я. – И под Новый год к ним в сбыт наверняка не пролезть. Ажиотаж. Кому мы там нужны, а?

– Подтормаживаешь, брат. Примёрз. Под праздники в сбыт – верняк не пробиться! Но это если ты с улицы забрёл, обычный серый человечек. А в сумме то, что с подачи Грека его родной братан, Вовчик, согласен по благу организовать нам соточку-другую ящиков шампанского. Прикидываешь, голова твоя садовая?

За разговором мы подошли к автобусной остановке. Скоро подъехала и маршрутная «Газелька». Уютно устроившись на задних сиденьях и проколував в заиндевевших окнах обзорную дырочку, мы продолжили обсуждение заманчивой перспективы.

– Тёмыч, а ты точно уверен, что это наша тема? – засомневался я. – На словах любое дело гладкое. Смотришь: предложение шикарное, план – идеальный, всё вроде бы смазано и оговорено. А потом берёшься за гуж, тужишься-тужишься, а там сплошной облом.

– Николаич, я тебя прошу, не усложняй! Чё за пессимизм? Мы уже присели, не упадёшь. Шепчу главное! Нам это шампанское Вовчик может пробить... без оплаты, под реализацию! И с расчётом подгонять не будут.

Я поражённо разинул варежку. Заводское игристое вино, да ещё и под Новый год, по оптовой цене. В рас-сроч-ку! Полный отпад. На горизонте замаячил самый вкусный и весёлый Новый год за последние сто лет.

– Тёмыч, я в ауте! Точно тебе говорю. Точно! – оживлённо затарабанил я. – Вот теперь вопросов у меня нет! Вот это мы заработаем. То-то Олюшка со Славуней порадуются!

– А я тебе о чём! – рассмеялся Тёмыч. – Между прочим, разница между отпускной ценой завода и ценой нашей предполагаемой реализации – процентов триста пятьдесят – четыреста. Не меньше! А ну-ка, умножь теперь разницу на двести ящичков «шампуньки»!

Выпучив глаза, я радостно икнул, что, видимо, означало: наконец-то я всё понял и этим повержен в нокаут.

Перемешивая колёсами рыхлый снег, маршрутка причалила к нашей остановке. Пора выходить. Уфф, действительно прохладненько! Тропинку до магазина мы преодолели быстрой ходьбой. Вот и магазинчик. Добрались.

Оббив с ботинок снег, заледеневшими колобками мы с Валерьичем вкатились в магазин.

– Уфф, хух! Ыых! – шмыгая красным озябшим носом, отдувался с мороза Валерьич.

– Ах, эх! Агхм! – потирая замёрзшие руки, вторил ему я.

– Оленька, чайку! Любименькая, спасай! Давай, мамуля... замёрзли... очень просим! – прокричал я со входа жёнушке.

– Оль Алесанна-а-а-а! – запыханно пропел Тёмыч. – Приветики!

– Привет, привет! – встретив нас за прилавком, заулыбалась Олюшка. – Что, замёрзли, пацаняки?

– Ага-хм! Угу-хм! Ох!

Чмокнув жёнушку в тёплую щёчку, мы поспешили в бухгалтерию. Олюшка по-быстрому организовала нам с Валерьичем душистый горячий чаёк, а к нему и хрустящие сухарики с изюмом. За чайным подносом мы и возобновили интересное обсуждение.

– Всё пройдёт как по сливочному маслу, – разгорячённо увещевал Валерьич. – Самое главное – это расторопно обернуться. Не тянуть. Сотня-две ящиков, пусть даже и под реализацию, совсем не шутки. Будем потом валандаться с остатками.

– Ясное дело, – сёрбая чаёк, понимающе раскачивал я кубышкой. – Нам по-любому нужно успеть распродаться до тридцать первого числа. С первого января – праздники чуть ли не на две недели. Куда мы этот «шампунь» потом девать будем?! Разве что народу на опохмел.

– Молодец, Николаич! Соображаешь! – хрустнув стойким пшеничным сухариком, воскликнул Тёма. – Именно это я и хотел донести. До Нового года – две с половиной недели. День-два на доставку и оформление, ещё две недели – на распродажу. До завода доберёмся электричкой. По расписанию в ту сторону они дважды в сутки идут. Я уже разнюхал. Одна – в полдень, вторая – ночью. Нам нужна ночная, чтобы к началу рабочего дня прибыть. Утром – на месте. На вокзале перекусили, перекурили – и на завод. Встреча, знакомство, выписка, оформление. Я на работе отпуск за свой счёт денёчков на пять оформлю. И так уже два года без выходных и проходных. Намантулился как собака! Короче, я уже всё пробил и обмозговал.

– Знаешь, Тёмыч, – призадумался я, – это, конечно, здорово, что нам отгрузят товар под реализацию. Рассрочка, льготный период, связи, бросовая цена – безусловно, клёвое подспорье. Но деньги-то всё равно нужны, а? Наличка на дорожные расходы – еда, тормозки, билеты, чай. Это раз. Затем. Всякие там коробки конфет, шоколадки – ну, чтобы ускорить выписку на складе. В смысле, на презент кладовщикам. Или кто там всю эту бодягу по накладным проводит, не знаю. Это два. Менты, которые из племени

Госавтоинспекции. Мы же шампанское на грузовике вывозить будем, правильно? Их куда деть? Никуда. Или как обратно поедем? Тоже электричкой? Или на дрезине?

– Гы-гы, Витаха, ну ты даёшь! – развеселился Тёмыч. – Дрезина... гы-гы-гы. На грузовике, конечно. Я думаю, в небольшую фуру ящиков сто пятьдесят-двести войдёт.

– Запросто войдёт! Так я и говорю – где фура с товаром, там и гайцы с полосатыми палками. Теперь, смотри, – продолжал я допытывать Тёму. – За машину платим? Или тоже на халяву?

– Какая там халява! – погрустнел Тёма. – За машину платим полностью, и заправляем её, думаю, тоже мы. И водиле премиальные, типа, дорожные...

– Ну вот. Если сложить в кучу все дорожные отстёги, думаю, штукарь баксов выйдет, не меньше.

– Ну!

– Что «ну»? У тебя что, лишняя тыщонка за пазухой завалялась? У меня – нет. Чтобы профинансировать доставку шампанского, я так понимаю, деньги надо вытягивать из кассы нашего магазина. Верно?

– Верно, – уныло хмыкнул Тёма, – а откуда же ещё? Мы для этого сюда и приехали. Я нынче на мели. Впрочем (эх!), как и вчера. Хошь зазреть? Вот! – Словно сожалея о таком прискорбном факте, Тёмыч вывернул наружу свои пустые карманы. На пол выпала одинокая жареная семечка.

В наших мыслях страшный зверь под названием «дорожные расходы» уже всю оттяпывал зубастой пастью весомую часть будущего заработка.

– Да ладно, Тёмыч, – воспрянув, развеял я наш минорный настрой. – Чего мы с тобой носы повесили? Прибыль тоже ведь не детская. На всех хватит. И на кладовщиков, и на индейцев с жезлами, и на дорогу. Чего киснуть? Триста процентов на бутылке плюс новогодняя распродажа. Вполне реальная и многообещающая командировочка.

– Да я чё? Я ничё, – пошутил Валерьич. – Во всём виновата прожорливая и жаднящая человеческая натура!

– Ага! – поддакнул я. – Всегда почему-то хочется всего, сразу и, желательно, на дурняк.

– Не говори, старина! – захохотал Тёма. – Ох уж это ненасытное создание – человек. Ладно. Давай прикинем нашу прибыль и дорожные расходы. Я не буду тянуть, сразу дружбану и отзвонюсь. Пусть он с брательником по межгороду мосты наводит, детали обмусоливает. А ты подсуетись с наличкой, чтобы торговля ваша не обвалилась.

– Хорошо, – кивнул я. – Триста баксов у меня лежит в начке. Ещё двести займу, есть у кого. Это, получается, пятьсот. Из оборота можно будет вытащить двести – триста долларов, не больше. В общем, обкрутимся. Кстати, с приятелем твоим тоже нужно поделиться. С Греком.

– Обязательно! – мотнул головой Валерьич. – Без Грека нам ничего бы не светило.

– Конечно. Как ни крути, а он наш компаньон получается. А с компаньоном поделиться – святое дело. Звони!

Железнодорожные гуляки

Ночной железнодорожный вокзал встретил нас равнодушно. Зал ожидания заглотил меня и Валерьяча в своё оживлённое чрево, попихал для порядку, потолкался, погудел, чего-то там поорал на ухо, смешал с толпой и, выскивая новую жертву, тут же потерял из виду.

Железнодорожные вокзалы – это самое настоящее государство в государстве, со своим распорядком, законами, территорией, иерархией. Суетная жизнь здесь не затихает ни на минуту. Да что там «ни на минуту» – тут не бывает ни единой секундочки тишины и покоя! Куда ни глянь – всюду что-то с кем-то происходит. Важно шипят прибывающие скорые, товарняки, почтово-багажные и грузовые составы. Вокруг них подобострастно снуют пригородные и технические дизельки. Гомонливый перрон толкается громоздкими чемоданами, продаёт напитки, пиво, газеты и сигареты. Визгливые бабульки-пирожочницы суют пассажирам горячие пирожки с горохом, картошкой и капустой. Пронырливая привокзальная шантрапа воровато шныряет глазками по сторонам, шарит в толпе, приискивает зазевавшуюся жертву. Кто-то сегодня обязательно лишится кошелька, мобильного телефона или барсетки. По вокзалу, распугивая жутко подозрительных бездомных собак и котов, тарахтят грузовые тележки с посылками, чемоданами, сумками и рюкзаками. Поезда, поезда, поезда... Тележки, тележки, тележки... Люди, люди, люди... Вся эта масса беспокойно копошится, спешит, кричит, торопится, озирается, матюкается, чего-то ищет, откуда-то появляется и куда-то отбывает, исчезая без следа.

У семафора гремит крепкая бранная размолвка путейцев в оранжевых жилетах. Врубив громкоговоритель, дежурная вокзала стальным механическим голосом сообщает вокзальные новости, объясняет правила поведения на перроне, объявляет посадку пассажиров, ищет потерявшихся людей и опаздывающие по

расписанию составы. То и дело звенят специальные гудки, извещающие о прибытии очередного локомотива. Креозотный запах шпал и мазута перемешивается с едва уловимым запахом общественного туалета. Жизнь бурлит! Страна «Железнодорожный вокзал»!

Не мудрствуя лукаво, мы с Тёмычем продрались к окошкам касс пригородного сообщения. Купим билетики, а там можно и подождать. За рюмкой чая. Времени на вокзальных ходиках – без половинки полночь, а отправление наше аж в час ноль пять. Есть время пообщаться и подурковать.

– Чё ни говори, Валерьич, а привокзальные котлетки по-киевски почему-то особенно ароматные и вкусные, – запихивая в рот аппетитный куриный ломтик, почавкивал я. – Романтика командировочной жизни, что ли?

– Ну да, она самая, – единым махом отправляя обречённую котлетку в рот, прошамкал Тёма. – Романтика! Вокзальное обоняние. А если ещё и под полтинничек, а? Ну, в смысле, для куражу! – Тёмыч загадочно оглянулся по сторонам и чего-то там пошарил у себя за пазухой.

Я с любопытством покосился на друга.

– Да ладно, Валерьич! Ты что, пузырь с собой зацепил?

– А то-о-о! – хитро блеснул глазами Тёма. – Как грицца, и котлетки, и к котлетке! Чин-чинарём, короче. Не покупать же тут, втридорога.

Я улыбнулся и тут же поморщился.

– Блин, Тёмыч... может ну его, в поездку за стакан хвататься, – робко начал я выделываться. – Потом хуже будет. Я уже давно заметил, как только мы с тобой гульнём, так сразу что-то и приключается. Вот увидишь! Чего-нибудь замочим, отвечаю!

Тёма приосанился, вытянул из-за пазухи пол-литровую бутылку с водкой и торжественно припечатал её на стол.

– Да всё нормально будет, Николаич! Типа, в первый раз...

– ...замочим, говорю тебе! Прошлый раз что было?

– Что-что..., – набубнявел Тёмыч. – Прошлый раз ты рассказывал про святые предания и заветы старцев. Ну, помнишь, про то, как алкогольное зловонище душу искривляет?

– Ага, помню. И после какой это было?

– Между первой и второй... бутылкой... Но мы же тогда моё повышение отмечали. Как без этого? Обычай.

– А дальше что было, помнишь?

– Ну, – замялся Тёма, – дальше мы открыли бутылку с солёными помидорами и из окна кухни на спор стали бросать их в проезжающие под подъездом иномарки. Кто промахнулся – тому лыкан.

– Ну и?

– Что «и»? Ни разу не промазали!

– Да, зато матюганов наслушались и под подъездом на следующий день два часа убирали. Кстати, про искривление души...

– Тьфу ты! – шутливо сплюнул Тёмыч. – Кури-и-иные трусы! Кто же меня за язык-то тянул? Насколько я помню, душу искривляют миллионы денег, бриллианты и дорогие автомобили... А у нас тут всего лишь невинные котлетки и малю-ю-юсенький такой пузырьрик...

– И деньги тоже, и эксклюзивные авто, и яхты, и пентхаусы, и прочая дребедень! Но дело не в том. Я после твоего повышения двое суток работать не мог, отлёживался. Всё думал, нужно было к старцам прислушаться.

– Николаич, с твоей стороны это прямо какое-то безобразие! – всплеснул руками Тёмыч. – Тут котлетка только провалилась... не успел насладиться, как уже душа изгибается!

– Искривляется... Это всё Система.

– Вот-вот, искривляется! Как загнёшь чего-нибудь, и всё не вовремя. А как же вокзальная романтика? Короче. Система системой, но ты давай, это, не выпендривайся. Прекращай ломаться, как две копейки в телефоне-автомате. И не тошни под руку! Предания... заветы старцев... Типа, никогда не квасили! Как

будто по студенчеству, особенно после сессий, ни разу не искривляли! Поддержи компанию. Не порти командировочного возвышенного настроения! А? По чуть-чуть? Ну? По писюлику? Давай, бродяга! По протоколу даже полагается...

Понимая, что ломаться бесполезно, да и вокзальная романтика обязывает, я надулся и нехотя буркнул:

– Ладно! Давай. Чаво уж! Плясни! Но только по чуть-чуть. – Я пригрозил пальцем и даже слегка покривился. Для правдоподобности. – А то знаю я, Тёмыч, все эти побасенки про сто грамм, которые не стоп кран, дёрнешь – не остановишься! Хватит нам прошлого раза.

– О-о-о! – обрадовался Тёма. – Так бы и сразу! А то, тоже мне, блин, предания, искривления...

Рассредоточив по столу тарелки с хлебом, котлетами и салфетками, Тёма распечатал бутылку и забулькал ею над двумя пластиковыми стаканчиками.

...Великий мудрый русский народ. Всё же неспроста, скажу я вам, друзья, поговорки и предания слагаются. Из миллионов судеб они взяты, из опыта, из прожитого.

Вначале выпили «по писюлику» – два по пятьдесят. Как и договаривались. Подняли пластиковые стаканчики за успех выгодного предприятия. Вздогнули. Охнули. Хэкнули. Крякнули. Выдохнули. Горькое спиртное жгучей волной прошлось по рёбрышкам. Пятью минутами позже выпили ещё немножко (между первой и второй – перерывчик небольшой). Дёрнули, буквально на один глоточек (по второму «писюлику»). Дверь из зала ожидания была распахнута, и нас с Валерьичем, понимаете ли, засквозило. Потом ещё слегка вмазали. Ещё чуть-чуть душу искривили. Смочили, так сказать, уста под котлетку. Да и ноги что-то озябли. Следом объявили, что область накрыл снежный циклон и наша электричка задерживается на сорок минут. А это означало только одно (блин, я же говорил): ещё по котлете, и ещё по одной «к котлете». Шло уже по «писюлику» двойному.

Прикончили бутылку. Неудержимо потянуло на обсуждение гнусного североамериканского истеблишмента, который (сволочь!) всему миру житья не даёт. Снова ткнули – из второй, докупленной в буфете бутылки. Подперев руками головы, затаили «Только мы с конём по полю идём...» Потом нас опять засквозило. Уже под огурчик снова хлопнули. Горячо обсуждая и доказывая друг другу первопричины, от которых общество человеческое так сильно испохабилось, развратилось и деградировало, ещё немножко причастились. Потом вскрыли проблему национального алкоголиз... то есть, колорита. Ещё по писюлику! Совсем немного. Что было после этого, помню довольно-таки приблизительно и очень смутно...

Резкий и холодный ночной ветер неприятно хлестнул меня по лицу. Щедро сыпанувшая снежная крупа ударила по глазам. Поддерживая друг друга под руки, мы с Тёмой, вразвалочку, словно два королевских пингвина, выплыли на улицу. Для полноты картины не хватало только баяна и разудалой русской народной. Не вопрос, сейчас сообразим баян!

Не-а, не сообразим... Какие баяны и какие песни? В таком-то состоянии до вагона бы на своих двоих дочапать. Промозгло-то как! Да-а-а. В тёплом буфетике было куда уютнее! Там не сквозило. И вкусно пахло котлетно-огуречным набором. Нет, определённо, в буфете было лучше! Может быть, вернуться, а? Ну его, эти путешествия...

Во мгле перрона засерел силуэт состава. Прищурясь, я попытался навести резкость. Хм, вроде бы электричка. Стоит и стоит, как и положено электричке – горизонтально. Я направился было к ней, и Валерьяча за собой потащил. И тут вдруг я увидел, как головной вагон начал крениться книзу! Ниже, ещё ниже, а вагоны в хвосте – вверх поплыли. А потом, раз – и резко вернулись на свои места! И снова, но теперь уже наоборот, первый вагон – вверх, а замыкающие – вниз, ух-х-х! Я притормозил. Мерещится,

что ли? Сейчас глаза до кучи соберу. И выясню! Блин, ребята! Состав раскачивается! Гадом буду!

А электричка, тем временем, словно бригантина на кипучих беспокойных волнах, раскачалась по-взрослому. Но она ведь по рельсам ходит? Как такое может быть? У-ух, каравелла, идрыть нас за угол! Гадость какая. Досадливо цокнув языком, я пьяно повернулся к Тёме и, звонко икая, закартавил:

– Ва... ик... лерье... ик... вич! – толкнул того в бок. – Какого дидька поезд рас-ка-чи-ва-е-тся? Чего он, совсем... ик... обнаглел? Надо дать ему... ляпаса! Да! Ля-па-са!

– Ка... ка... ка-кой поезд? – уцепившись в мой локоть, сощурился тёпленький Тёма. – Где... он?

Ещё лучше. Вообще-то вагоны в двух шагах от нас. Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Фу, как это всё несерьёзно! Нарезались, словно счастливые студенты после первой сессии. Говорил же Тёмычу, плохая идея. Так нет же! Чуть-чуть! Давай! По писюлику! Романтика! Я тоже хорош. Друг на друга кто угодно стрелки тыкать может. Ага, те самые, не железнодорожные. А у самого на плечах голова или горшок? Куда хлебал, как не в себя? Фу, хреново...

Пыхтя и посапывая, переваливаясь и поддерживая друг друга за толстые дублёнки, мы затащили свои бранные организмы внутрь вагона. (Улучили момент, когда состав успокоился и замер). О-о-о! Классно как! Тут тоже тёпленько! Электричка хоть наша? А-а-а, была не была! Поедем на том, на чём есть. Риск... ик... нём! И шансы у нас неплохие: или наша, или не наша. Пятьдесят на пятьдесят. Всё равно уточнить маршрут никто из нас не сможет. Фи-зи-о-ло-ги-че-ски. Тёма вон совсем лыка не вяжет. Да и я такой же. Хороши предприниматели! Ох, мутно на душе, мутно. Ох, тяжело. Даже под градусом. Не совсем, значит, зубы мудрости утонули в виски. То есть, в нашей, родненькой, пшеничненькой! Рек-ти-фи-ци-ро-ван-ной!

Отрезав холодный зимний воздух, хлопнули автоматические двери. Мы внутри. Фу-у-ух! Звякнув рычагами вагонных сцеплений и дёрнувшись, состав начал плавно набирать ход. Пое-е-ехали!

Длинные деревянные лавки. Тусклые лампочки. Блеклое освещение. Высокие спинки. Тепло. Я уселся на одной лавке, Тёмыч – на другой, напротив меня. Чинный такой, с умным лицом, в толстой дорогой дублёнке, Тёма тщетно пытался выглядеть трезвым. Плохо это у него получалось! Держится, держится, а голова, как у того сувенирного китайского божка – влево-вправо, влево-вправо, вверх-вниз, вверх-вниз. И так быстро-быстро! Словно на шарнирах. Потянувшись к Тёме, я снял с него новую норковую шапку и положил себе на колени. Не ровен час, слетит колпак, упадёт на грязный пол, выпачкается. Мы ведь должны прибыть на завод чистенькие, опрятные, свежие и подтянутые. Вот! Работает мысля! Наши хмельные дела отнюдь не безнадёжны. Это хо-ро-шо.

Для Тёмы же снятие шапки послужило своеобразным сигналом. Да и силы, видимо, тоже иссякли. Вижу, Валерьич намылился поспать. Он привстал, нетвёрдо прошкандыбал к соседней лавочке (светильник над соседней лавкой перегорел, там было темно и уютно), и осторожно опустился на деревянное сиденье. Смотрю, Валерьич тихонечко так, словно в замедленной съёмке, плавненько-плавненько, наклоняется, наклоняется, ещё ниже к лавке, ещё немного... Бум! Готово. Длины вагонной лавки ему в аккурат хватило, чтобы поджать лапки и удобно устроиться на ночлег. А у меня, ёк-макарёк, хоть глаз выколи. Раскачиваюсь на лавке как дурак. Тоже кривой, а поговорить не с кем. Ни о политике, ни о жизни трудной. Ни о зарплате смехотворной. Ни о погоде, в конце концов. Скукотища. За мрачным окном не видно ни зги. Темень. Полтретьего ночи. Сижусь, как буржуй. В охалке две шапки – моя и Тёмы. Приподнялся, заглянул за спинку соседней лавки. Всё-таки здорово Валерьич устроился! Лежит себе, дрыхнет. И в ус не дует. Его не видно и не слышно. Вот котяра!

Прошёл час пути. За окном разошлась метель. Злой ветер гудел в проводах, разрывал плотную чёрную мглу. Острый колючий снег неистово кидался на окна, скрёб по крыше, тучей вился над летящим по рельсам составом. А в вагоне тёпленько, хорошо! Тихо, только колёса, знай себе: тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук. А с ними за компанию и рельсовые стрелки, надсадно так – вжи-и-ик, вжи-и-ик! Сцепления состава – лязг, лязг. Встречный скорый вагонами – ух, ух, ух... Нет, никак не спится. Сижусь, уставился в одну точку. Медитирую. Когда уже хмель выветрится? Мозги вроде бы стали на место, а вот с речью проблемы. Да и видок, наверное, так себе. Что ж, хотели вокзальной романтики – получайте. Кушайте, пацаны, не обляпайтесь, закусите огурцом!

Неожиданно тамбурная дверь визгливо отъехала в сторону и выпустила в вагон троих людей. Пузатенький лейтенант, сержант и ещё один сержант. Линейная милиция! Ё-моё! Вот уж некстати. Скользнув взглядом по вагону, великолепное трио направилось ко мне. Ну а куда же ему ещё идти? Вагон пустой, кроме меня с Тёмой в нём никого нет. Принимай, Николаич, гостей!

Шурша куртками, линейный патруль подошёл к моей лавке.

– Лейтенант транспортной милиции Узоузонтоев, – махнул под козырёк офицер. – Ваши документы, пожалуйста.

Вот дела. Их что, специально учат представляться, чтобы фамилии было не разобрать? А если так, значит, точно, денег накопить решили! Литюха Узоузонтоев. А все вопросы на потом. Одно стало ясно сразу – над нашим с Тёмой командировочным фондом нависла серьёзная опасность.

– Одну... минут-чку... господин... полицмистер... ну... в смысле – полицмейстер... не... милицмейстер... кхы-кхы... милицейский... полицейский... ага, да... Сейчас... прямо сразу... вот так... вот... и предъявлю! – путаясь и тщательно подбирая нужные слова, одолел я наконец сложную фразу. Вроде бы, удалось.

Может быть, пронесёт? Не-а. Вряд ли. Не пронесёт. Слишком силён был охотничий блеск в глазах сотрудников

правоохранительных органов. Они, наверное, мысленно уже и отчётную палочку о пойманных рецидивистах калякнули, и денежки наши сняли, и даже прикинули, куда и на что их потратят.

Я медленно достал из внутреннего кармана паспорт, предъявил.

– Т-э-э-экс! – распахнув документ, по-хозяйски протянул лейтенант. – Виталий Николаевич. Оч-ч-чень приятно, товарищ дорогой. Куда путь держим? Какая нелёгкая несёт вас в тьму ночную, пургу опасную?

– Да недалеко-о-о на-а-ам... Вокруг о-о-о-области путешествуем... – как-то задумчиво рожал я тягучие словосочетания.

М-да. Мрачновато как-то прозвучало. Точно. Путешественники хреновы. Да ещё и «вокруг области».

– Путешественник! – неприлично заржал мент. – Вокруг области, ха-ха-ха! Пржевальский Никола Михалыч, блин! Я бы даже уточнил: не просто путешественник, а путешественник-мутант!

– Как му-тант? Почему му-тант? – ошарашено вытаращился я.

– Да потому что головы у тебя две!

Ну вот. Конец. Доигрались с Тёмой. Вначале пирушки вокзальные, теперь милицейский патруль со своими странными шутками. Травки они обкурились, что ли?

– Тело у меня од-но, значит и го-ло-ва – од-на! – выдал я первое, что пришло на ум.

Блекло-жёлтое пространство вагона взорвалось разудалым хохотом лейтенанта. Да и подчинённые его тоже подленько так похихикивали.

– Силён, математик! – гоготал лейтенант. – А я тебе о чём толкую? Ты один, огуречик. Не мутант. Черепушка у тебя тоже одна. А шапочек-то в руках – две! О-ля-ля! Несовпаденьице.

Я перевёл чумной взгляд себе на руки. Точно! Две норковые шапки – моя и Валерьяча! Он дрыхнет себе, за лавкой его не видно, а я тут отбиваюсь. Как туго ни крутились маховички моих мозгов, куда ветер дует, понятно стало сразу. Засквозило.

– А дело было так, – разглагольствуя, развивал историю Уэоуэонтоев. – Был ты молод, здоров и весел. Всё у тебя было ладненько. Да только вот одна проблемка: работать ты не очень любил. А точнее – очень не любил. А ещё точнее – просто в ужас приходил от одной только мысли честно пахать! Но, как говорится, солнце всходит и заходит, а кушать хоцца всегда... Короче, пришёл ты в один прекрасный вечер на вокзал, а там – о, чудо, пьяненький мужичок, идёт себе, качается. Вздыхая на ходу. Чистенький такой, зажиточный. Шапка у лоха классная! Норковая. Дорогу-у-ущая! А поскольку, ясный крендель, две шапки ровно в два раза лучше, чем одна, то ты, не спеша, расчётливо, подкра-а-ался к терпиле и...

– Стоп-стоп-стоп, директор! – замахал я хмельными руками. – Тьфу! Доцент... нет. Бригадир... э-э-э... лоцман... тьфу ты, нет! – ворочая онемевшим языком, туго подбирал я нужные слова. – Прораб? Ой! А-а-а! Да! Товарищ лейтенант. Да. Имен-но. Товарищ лей... ик... (глубокая икота) те-нант... Уи... Уио... как ваша это... фамилия? Про-сти-те, не разгребал... ну... не... ра-зо-брал!

– Уэоуэонтоев...

– Да, товарищ Уэо-ау-и-а... – беспомощно запутался я в коварном слоге, – да... всё не то... и не туда... Я не вор. Я – жертва! Обстоятельств...

«Жертва ты котлеты киевской и пузыря пол-литрового, придурок!» – вихрем пронеслось в голове.

– ...понимае-ик-ете, в чём дело. Одна шап-ка моя, а вторая шапка... не моя... и если она не моя... то... не я хо-зяин этой шапки... то есть... она мне... не при-над-ле-жит! Да!..

– Хватит! – обрывая мои икающие объяснения, рывкнул лейтенант. Веселье на лице офицера как ветром сдуло. – Сейчас мы прервём твоё милое путешествие и уже вместе, большой и дружной компанией, продолжим наш средиземноморский круиз в несколько ином направлении. Да и жизнь твоя, грешная, обретёт совсем другой оттенок. Эт-т-т точно! Как в суде, в общем, повезёт. Знаешь, есть такое понятие: тюремная закалка? Не знаешь? Вмиг узнаешь! По сто восемьдесят шестой статейке-то, пятёрочка, к твоему

бережку, за грабёж, как пить дать и приплывёт. Да ты не переживай, путешественник! Ты ещё молодой. По первому разу пойдёшь, как я понимаю. Первоходу много не накидывают. Откинешься. Опыта поднаберёшься, возмужаешь. Обветренное тюремными буднями лицо, решительный слог, крепкая хватка зека. Как тебе типаж?

– Да по-го-дите вы! – досадливо взмахнул я руками (пока ещё не скованными браслетами). – Я го-во-рю вам...

– Да ладно-те, Пржевальский! Моя – не моя! Если не моя, то и я – не я! Собирайся, пошли, нас ждут великие дела!

– Ну-у-у... не-е-е... может... и всё! Вот!

– А-а-а! Понимаю. Тебя интересует другой вариант развития событий. Так это – ноу проблем-с! Он называется «гуманитарная помощь стране». Вернее, не стране, а Министерству внутренних дел. Точнее, его доблестным сотрудникам. Потянешь? Я сегодня до-о-обрый. На выходные ухожу. Кумекай. Есть чего для нас интересного?

Смекнув, что горю по полной программе, я всё же ткнул пальцем за спинку соседней лавки.

– Друг мой... во-о-он он, лежит. Спит. Его шапка.

Патруль сделал вперёд три шага, грубо протиснулся мимо меня, наклонился. Три пары милицейских глаз жадно впились в спинку лавочки. Наклонились ещё ниже. «Тут сейчас громкого «гав!» не хватает», – невесело пронеслось в голове. Патруль на несколько секунд приумолк. Затем выпрямился. Что-то глаза какие-то невесёлые у ребят. Валерьич как Валерьич. Лежит себе. Отдыхает. Чего так расстраиваться? А выражение лица у лейтенанта вдруг стало, как у маленького ребёночка, у которого взрослый дядька отобрал огромную презентабельную конфету на палочке.

– Ну как? А? Вот! – пошёл я в наступление.

Что ни говори, я почувствовал себя значительно смелее. Да и хмель от волнения куда-то выветрился. Уже могу чётко рассуждать. И даже без акцента!

Но, как оказалось, не всё так просто у нас во дворе.

– Ну, любезнейший, – кривовато ухмыляясь, опомнился наконец лейтенант. – Пятёрочка отменяется, тут без вопросов. Но остально-о-ое... – И вдруг, совершенно другим, официальным тоном, он заявил:

– Извините, товарищ, вам нужно пройти с нами. – И снова махнул под козырёк. – А вот это тело, – небрежно ткнул он пальцем себе за спину, – так уж и быть, пускай продолжает своё средиземноморское путешествие. Но уже без вас.

Не обращая внимание на мои хмельные протесты, Уэо-ау-эи... (или как его там?) начал загибать пальцы:

– Пьяный дебош в общественном месте – раз! Распитие спиртных напитков в вагоне движущегося железнодорожного состава – два! Пререкание с сотрудниками транспортной милиции – три! Сопротивление при задержании, оскорбления, ругательства... продолжать?

В один момент офицер намотал столько фактов правонарушений, сколько хватило бы для полного провала нашей командировки. Отжимает наличку, гад! Эх, плакали наши денежки. Бумажничек, не расстраивайся, любимый. Распахивайся и кроись.

– Да не нужно продолжать! – кисло запротестовал я. – Всё понятно... Пить надо меньше, а лучше – вообще не бухать. Душу искривлять. Вселенную расстраивать.

– Во загнул! – загыгыкал уже подобревший дядя милициант. – Надо же... Вселенную! Вот это да! Лады. Вселенная Вселенной, но давай-ка, дружище, поближе к мирскому, бренному. Что там у нас сегодня с кассой?

– Сейчас посмотрю, – начал рыться я в лохматых полах дублёнки.

Полез во внутренний карман, и тут же допустил последнюю в эту ночь, самую дорогую для нас с Валерьичем ошибку. Достал всю пачку денег, которая хранилась у меня за пазухой. Золотой дорожный фонд. Вот наивный! Отсчитывать собрался! Наряд среагировал мгновенно:

– Оп-па! А чё это у тебя? Наркота!

И сразу – зырк на пачку банкнот. Я медленно, всё ещё пьяненько, опустил взгляд на свои руки. Какие наркотики? И вдруг почувствовал, как какая-то волшебная сила сомкнула в тиски мою кисть и начала выворачивать хрустящую пачку денег. Я крепче сжал кулак. И тут – раз! Чья-то ладошка – щёлк ребром по моему кулаку! Я невольно разжал пальцы. Шорх – и нет пачечки! Шурша, она тут же скрылась в алчных карманищах стражей правопорядка. Прикольный фокус-покус.

– Ой, ё-клмн-н-н, обознался! Нет наркотиков! – досадливо цокнул главный дядя. А сам уже был весёлый-превесёлый.

В иной ситуации я бы тоже порадовался за дядю. Уходит на выходные, сытые премиальные отхватил. Вот же передряга, Филькин дрын!

– Ну, что я могу сказать, гражданин хороший? Всего вам доброго. Пассажир вы, оказывается, очень даже тихий, смирененький, сознательный... щедрый тоже... для общества не опасный. Значится, нам пора, – прощаясь, засобирался наконец патруль.

Сержанты легко похлопали меня по плечу (мол, пока-пока, благодетель). Двери тамбура – хлоп-хлоп... и снова никого. Мерное покачивание вагона. Убаюкивающий размеренный стук колёс: тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук. Рельсовые стрелки – вжи-и-ик, вжи-и-ик! Сцепления состава – лязг, лязг. Бледная желтизна вагонных светильников. Загаженный летними мухами потолок. Тишина. Тёма вон похрапывает.

Мигнув вялыми жёлтыми огоньками, за окнами со свистом промчался очередной сонный полустанок. Где-то вдалеке, за горизонтом, во мгле зарождалось новое зимнее утро. И заспанная, продрогшая электричка, почувяв конец пути, радостно устремилась к нему навстречу. А в радостной утренней электричке, на твёрдой деревянной лавке, мрачно и подавленно восседал совсем не радостный горе-предприниматель, любитель сочных куриных

котлет и обожатель вокзальной романтики – наполовину протрезвевший я. А на соседней лавке дрых ещё один удачливый олигарх – сладенько посапывающий и похрапывающий в алкогольных парах Валерьич.

В отчаянии я готов был рвать на себе волосы. Скоро наша станция, утро сереет за окном, а я... блин! Сонный, голодный и безденежный. Лошара мегаполисная! Я перегнулся через спинку и грустно заглянул в Тёмину берложку. Может, проснётся? Куды там! Почувяв утреннюю свежесть, Тёмыч храпел не по-детски. Но даже его храп не мог развеять мои сумбурные мысли.

Наступило утро. Зашипев пневматическими тормозами, вагон вздрогнул и остановился. Я, унылый такой, заметно посвежевший, но молчаливый, и Валерьич – помятый, но выспавшийся и отдохнувший, неторопливо сошли на землю уездного города N. Прошли в затёртый зал ожидания. Я усадил Андрея в замызганное пластиковое кресло, сам присел рядом. И повёл свой грустный рассказ.

Несмотря на сложность положения, Тёмыч смеялся раскатисто и довольно-таки долго. Наконец, отдышавшись и успокоившись, он внезапно тоже приуныл. Ситуация складывалась не из лёгких. Однако, справедливо рассудив, что опускать руки не стоит ни при каких обстоятельствах, мы приступили к разработке плана «Б». Он включал в себя два пункта – что делать дальше и как вернуться в родные края. Желательно, с грузом.

– Фу-у-ух, Николаич! Ну ты и отмочил! Кому сказать – не поверят. Менты тоже хороши. С другой стороны, какие к ним предъявы, скажи мне? Зарплата, наверняка, маленькая. Семью кормить нужно.

– Да всё это понятно! – воскликнул я. – Семья, жена, любовница, зарплата, дети, тяжесть нового тысячелетия... А нам-то что сейчас делать? Жрать охота! Чайку бы! С булочкой и вареньицем клюквенным. Или, ещё лучше, минера-а-алочки... С га-а-азиками! А затем – бо-о-о-орщика... кла-а-асс!

– Ага-а-а, и стограммо-о-овочку! – страдальчески ухватившись за голову, в тон моим мечтаниям засканудил Тёмыч.

– Фу, Тёма, всю картинку поломал! Больше – ни капли. Всё! Отвечаю!

– Согласен. Ни капли. Но только после Нового года. И после Рождества. И после Старого Нового года... И после Дня защитника Отечества...

– Валерьич, хватит! Пожалуйста!

От образа белой жидкости, ласково плещущейся в одноразовом пластиковом стаканчике, меня чуть не вывернуло. Горькая тошнота резко подкатила к горлу. Такое ощущение, будто жгучая водяра, играя градусами, заплескалась прямо под кадыком. Ох, беда мне, беда! Голова раскалывается. Ограбили. Кушать хочется! Денег нет. До поездки ли мне сейчас? До заработка ли!

– Ладно, шучу, – шмыгнул Тёма. – Что делать-то будем, а?

– Не знаю, Тёмыч. Честно, не знаю, – растерянно пожал я плечами. – Но мне кажется, мы просто обязаны выбить на заводе это долбаное шампанское и доставить его домой.

Или мы не предприниматели?